

Александр Прозоров
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Vozmezzue

Александр Дмитриевич Прозоров
Алексей Живой
Возмездие

Серия «Легион», книга 7

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606805

Возмездие: Ленинградское издательство; СПб.; 2011

ISBN 978-5-9942-0728-4

Аннотация

Армия Гасдрубала окружила Карфаген и начала его штурм. Гасдрубал понимает, на прорыв мощнейших укреплений может уйти много времени. Федор Чайка, движимый желанием освободить из плена жену и ребенка, предлагает тайно пробраться в город и подготовить восстание, которое поможет захватить город. В Карфагене много недовольных сенатом, согласившимся на союз с Римом, и его власть теперь держится только на военной силе. В случае победы восстания в Африке уже ничто не сможет помешать армии Ганнибала начать последний поход на Рим.

В далеком Крыму сарматы, подстрекаемые Римом, нанесли предательский удар в спину своим бывшим союзникам скифам. Их царь Иллур приказывает Ларину вернуться и принять участие в новой войне. На степных просторах причерноморских

степей Ларину предстоит вновь повстречаться с амазонками, для которых он теперь враг.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	38
Глава четвертая	60
Глава пятая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Проzorов, Алексей Живой Возмездие

Глава первая «Неприступные стены»

Просвистев над ухом, стрела унеслась дальше, и тотчас Федор услышал позади себя сдавленный стон. Едва не задев его самого, стрела все же нашла свою жертву. С глухим чавканьем она вонзилась в плечо артиллериста, возившегося с торсионными баллисты. Тот рухнул на землю, истекая кровью, и на чем свет стоит, поминая лучников, засевших на стенах Карфагена.

– Ублюдки! – выругался Летис, находившийся вместе с Урбалом и Чайкой, на башне передовой линии укреплений, и потряс кулаком, угрожая лучникам противника, – ну, я до вас доберусь. Подождите, немного осталось.

– Позови лекаря, – приказал Федор одному из артиллеристов, бросив быстрый взгляд на раненого, который, сжав зубы от боли, пытался самостоятельно вытащить стрелу. И добавил, уже обращаясь к нему, – а ты не трепыхайся, целее

будешь.

Раненый артиллерист нехотя подчинился, хотя по всему было видно, что сильная боль терзает его. Просто лежать и молча жать помощи, было выше его сил. Однако, он привык доверять командиру, который пользовался среди солдат большим авторитетом, а потому затих, и стал ждать лекаря, стиснув зубы, чтобы не кричать. К счастью помощь прибыла быстро, бойца оттащили в сторону, расстегнули панцирь и занялись ранами. По раздавшимся вслед за этим крикам, которые мгновенно смолкли, Чайка понял, что лекарь быстро вынул стрелу.

– Терпи казак, – проговорил он вполголоса, обращаясь к потерявшему сознание бойцу, – атаманом будешь.

В этот момент еще две стелы, пущенные со стен, пронеслись над головой Федора. Одна из них даже задела его шлем, но чиркнув по блестящему металлу, отлетела в сторону, не причинив вреда.

– Лучше пригнись, – посоветовал стоявший рядом Урбал, – лучники явно тебя заметили, а перед началом штурма Гасдрубал вряд ли хотел бы остаться без командующего западным крылом.

– Не дождетесь, – усмехнулся Федор, но все же присел, спрятавшись за зубцом стены, прежде чем снова выглянуть наружу.

А посмотреть было на что. Если на мгновение забыть о стенах самого Карфагена, возвышавшихся на расстоянии по-

лета стрелы, то осадные укрепления, возведенные прямо напротив этих стен, тоже заслуживали внимания. Инженеры Гасдрубала постарались на славу, недаром осадный обоз в Карфагенской армии, как по привычке называл ее Федор Чайка, был самым мощным. Строить укрепленные лагеря, наводить мосты и переправы, рыть траншеи для инженеров, служивших теперь Баркидам, было не в новинку. Уже не раз они доказали свое умение в борьбе с римлянами и греками, а вот теперь приходилось применять это умение против своих соплеменников.

«Да, – поймал себя на неприятной мысли Федор, скользнув взглядом по зубчатому верху городских стен, – и там финикийцы, и здесь. Брат на брата». Однако, поразмыслив немного, решил, что те, кто прячутся за стенами этого, некогда любимого им города, и, особенно, те, кто ими управляет, уже давно ему не братья. А сам Карфаген он все также любил, хотя и стоял теперь под его стенами с внушительной армией, желавшей предать его огню. «Интересная штука, жизнь, – мысленно усмехнулся Федор, рассматривая город, в котором появился много лет назад и неожиданно быстро обрел здесь все, чего был лишен в Италии, а потом опять все потерял, – и кто бы мог подумать, что все так повернется».

Город, расположившийся на полуострове, казался огромным и неприступным. На перешейке, отделявшем Карфаген от материка, строившие его в древности финикийцы возве-

ли сразу три ряда укреплений высотой примерно метров в пятнадцать, а толщиной никак не меньше десяти метров. Со стороны моря полуостров защищала только одна стена, зато существовала еще одна внутренняя, отгораживавшая город от акватории порта. А между ними в минуты опасности прятался карфагенский флот, надежно защищенный со всех сторон. Сейчас, однако, кораблей там было не слишком много, одна часть сенатского флота погибла, а другая ушла в Италию, чтобы помочь римлянам захватить Тарент и умертвить самого Ганнибала, решив тем самым исход войны. Но Федор сомневался, что у них это получится и надеялся, что они смогут управиться с Карфагеном раньше.

– Еще посмотрим, кто быстрее, – пробормотал он, хотя уверенности, после осмотра укреплений, в его словах не прибавилось. История еще не знала примеров взятия этой цитадели финикийцев, если не вспоминать те далекие годы, когда Карфаген еще был небольшим поселением и зависел от своих соседей-нумидийцев, то и дело разорявших молодую торговую факторию набегами.

Продолжая осмотр, Федор припомнил, что укрепления Карфагена возвышались не только над землей. В мощных зубчатых башнях, разделенных на этажи и напичканных метательными машинами, были устроены многочисленные подвалы, уходившие под землю также почти на десятиметровую глубину. Во всяком случае, так ему показалось, когда он там однажды очутился по торговым делам вместе с Аки-

ром. Эти сооружения были отведены в основном под арсеналы, но использовались по назначению далеко не все, — хватало казарм и складов в самом городе. И чтобы подвалы не пустовали в мирное время, там оборудовали разнообразные склады для многочисленных торговцев, а в некоторых даже тюрьмы или отстойники для только что захваченных рабов, откуда их разбирали все те же торговцы, постоянно нуждавшиеся в рабочей силе.

— Таковую стену тараном быстро не расшатает, полжизни уйдет, — разочарованно пробормотал Чайка, и добавил мечтательно, — Взорвать бы...

Однако, никакого динамита у него в запасе не имелось. И в такие минуты Федор жалел о том, что не захватил с собой из будущего сюда и пары ящиков взрывчатки или хотя бы гранатомет. Очень быгодились. Но, как говорится, не подготовился, поэтому приходилось обходиться подручными средствами. До сих пор Федор как-то выкручивался. «И на этот раз справлюсь, — подбодрил он себя, переводя взгляд на Урбала и Летиса, также взиравших на близкий Карфаген сквозь зубцы укреплений, придвинутых вплотную к городу, — боги пошлют мне идею».

Вспомнив о богах, он, продолжая скользить взглядом по усеянному разнообразными строениями холмам Карфагена, что возвышались за третьей стеной, не мог не заметить древней цитадели, венчавшей собой самый высокий и живописный холм, различимый отовсюду, даже со стороны моря. Это

была Бирса, самое старое строение города. У подножия Бирсы, этого Федор не мог видеть, но помнил отчетливо, находилась широкая, мощеная камнем площадь, куда сходились три улицы, – Форум Карфагена. А хорошо различимая вершина холма была увенчана величественным пирамидальным зданием.

«Храм Эшмуна, – отметил про себя Федор, словно вспоминая местные достопримечательности, – бога здоровья и врачевания».

О здоровье богатые финикийцы, проживавшие в этом городе, действительно привыкли заботиться. Да и медицина была у них в почете. Впрочем, отцы-основатели этой богатейшей торговой фактории понимали, что для собственного спокойствия, заботиться нужно не только о себе. В городе существовала разветвленная сеть канализации и водоснабжения и вода, к большому огорчению Гасдрубала, подавалась не по акведуку с окрестных вершин, где находились ближайшие источники. Внешний водопровод, само собой, командующий велел бы перерезать в первую очередь, едва появившись под стенами. Но в Карфагене на случай войны имелись собственные подземные хранилища воды. Настолько обширные, что от них даже питалась сеть фонтанов, разбросанных по всему городу и служивших местом отдохновения и увеселения народа. Чего стоил только знаменитый «Фонтан тысячи амфор», о котором знали далеко за пределами Карфагена.

Струйка пота стекла по лицу из-под шлема, заставив Фе-

дора вздрогнуть и отогнать воспоминания о фонтанах, в тени и прохладе которых можно было отдохнуть посреди жаркого дня. Он не испытывал жажды, воды в лагере было предостаточно, однако, такого комфорта, в котором нежились зажиточные жители Карфагена в походном лагере армии Гасдрубала, конечно, не было.

– Ничего, это ненадолго, – пробормотал Федор, сплевывая от досады, и вспоминая свой уютный особняк в квартале зажиточных воинов и торговцев средней руки под названием Мегара, в котором теперь жил кто-то другой, – Жаль губить такую красоту, а что делать. Его нынешние хозяева без боя ничего не отдадут. Особенно Магон и Ганнон, им ведь тоже жаль все терять.

Его взгляд еще долго блуждал по кварталам бесконечного города, выхватывая из общего ряда знакомые строения, а затем перекинулся на морскую акваторию, где, словно ленивые акулы в ожидании добычи, дремали квинкеремы Гасдрубала, сторожившие выход из гавани.

«В общем, как ни крути, – подумал Федор, скрипнув зубами, – а отсиживаться за такими стенами, имея к тому же большие запасы воды и продовольствия, можно долго. Только, меня надолго не хватит. Как представляю, что эта римская сволочь может в любой момент поднять руку на мою жену и сына, которых держит при себе, как заложников, – просто выть хочется. Надо что-то придумать, чтобы эта неприступная твердыня все-таки пала».

А поразмыслив еще немного, он даже молча усмехнулся: «Не зря же боги перенесли меня в это время. Значит, у них был для меня какой-то план. Может быть, это именно он?».

Раздавшийся неподалеку стон, вывел Чайку из созерцания окрестностей великого города. Это пришел в себя раненый артиллерист, который стонал, пока лекари с помощью солдат грузили его на носилки, чтобы отнести в местный лазарет.

– Будет жить? – поинтересовался Федор, когда носилки проносили мимо него.

– Будет, – кивнул низкорослый лекарь в забрызганном кровью хитоне, – правда, снова в бой ему не скоро. Отлежаться надо.

– Пусть лежит, – кивнул Федор, – он хороший артиллерист, а осада долгая. Такие нам еще пригодятся.

Когда же носилки унесли вниз по лестнице, Чайка обвел взглядом оставшихся артиллеристов замерших в ожидании его команды, и вдруг, повысив голос, рявкнул:

– А вы чего расслабились? Быстро заряжайте баллисты и чтобы те, кто это сделал, пожалели о том, что родились на свет. Цельтесь вон туда, под навес на стене. Там должно быть много солдат.

Артиллеристы встрепенулись. На баше стояло две баллисты. Расчет одной из них мгновенно выполнил команду «заряжай», а расчет второй, понесший потери, тоже не слишком задержался. Раненного подменил другой боец из спейры пе-

хотинцев находившихся здесь же, в башне, на случай вылазки защитников города.

– Вот это хорошо, – поддержал воинственные приготовления Летис, невольно схватившись за рукоять подвешенной к поясу фалькаты, – а то, сколько можно сидеть без дела.

Федор ничего не ответил, молча кивнув. Он был согласен с другом. Хотя с тех пор, как они отрезали Карфаген от мира по суше и по морю, Гасдрубал предпринял уже не один штурм. Но все они, сколь бы яростны не были, так и не позволили прорваться даже за первую линию укреплений. Защитники стояли насмерть, понимая, что это их последний шанс уцелеть. Если они не удержаться на стенах, то крах сената неизбежен. Впрочем, за такими стенами не смог бы удержаться только совсем бездарный полководец, а насчет Эндимиона, несмотря на все поражения, Федор такого сказать не мог. Дрался тот не плохо, хотя и не так хорошо, как Гасдрубал. Именно поэтому первый сейчас отсиживался за стенами, а второй их штурмовал.

– Давай, – перехватив озадаченный взгляд Урбала, махнул рукой Чайка. Взгляд этот был ему понятен, защитники могли принять обстрел за начало нового штурма, и главнокомандующий вряд ли бы одобрил такие самовольные действия, но Федору вдруг очень захотелось взбодрить солдат Эндимиона на свой страх и риск. Тем более, что последний штурм был уже дней десять назад, а наступившее с той поры затишье показалось ему целой вечностью.

Обе баллисты вздрогнули, послав свои каменные гостинцы в полет. Просвистев положенное расстояние два ядра, почти одновременно, ударились в наверхие стены, выбив из нее каменные брызги. По приказу Федора артиллеристы целились в небольшое строение, возведенное недавно из бревен прямо на стене, неподалеку от высокой башни. Это был какой-то навес, чей козырек выступал над стеной на пару метров, скрывая от посторонних глаз, все, что там происходило. Федор подозревал, что под козырьком находилось устройство, позволявшее с помощью рычагов опрокидывать огромный чан со смолой прямо на головы штурмующих солдат. В Карфагене не было Архимеда, но и без него толковых оружейников, способных придумать нечто подобное, среди финикийцев и служивших им народов, хватало. Подозрения Чайки были не беспочвенны, – этот навес появился сразу после второго штурма и находился в непосредственной близости от башни с воротами, то есть, на стратегическом направлении. Именно сюда во время прошлого штурма, прежде всего, попытались взобраться солдаты Чайки, когда им было приказано захватить башню и открыть ворота, к которым так и не смогли подтащить таран.

– Эх, выше надо было брать! – от досады взмахнул рукой Летис, не увидев после залпа ни одного размазанного по стене вражеского солдата, – вы куда целитесь, лентяи, ослепли что ли?

– Ничего, пристреляются, – философски заметил на это

Чайка, — они свое дело знают.

И артиллеристы, услышав такие слова, его не подвели. После первого залпа на стене уже началась суеда, а после второго, когда одно из ядер угодило в край навеса, разметав в щепки левую опорную балку, настоящая паника. Раздался явно различимый скрежет и навес покосился вперед. Казалось, обрушиться вниз, ему мешает только то, что балки уперлись в стену. Из-под под навеса с воплями стали выскакивать солдаты, но Федор сначала не мог понять, отчего они подняли такой шум. И лишь когда новое ядро угодило точнехонько в навес, развалив его на две части, раздался грохот, и что-то массивное упало на камни, Чайка понял, в чем дело. Последние сомнения отпали, когда по стене вниз поползла темная маслянистая жидкость.

— Я так и думал, — обрадовался Чайка своей прозорливости, они там чан со смолой поставили, и добавил, когда ему в голову пришла новая идея, — а ну-ка лучников ко мне.

Когда четверо бойцов с длинными луками возникли перед командующим, прибывшим на позиции для обычной инспекции и неожиданно затеявшим новый штурм, Федор приказал, махнув рукой в сторону сновавших по стене солдат противника.

— Видите черное пятно? Это смола. Запалите-ка мне этот сарай, да так чтобы получился настоящий пожар.

Лучники, которым изрядно наскучило сидеть без дела, с радостью принялись за выполнение приказа. Они быстро

раздобыли пакли, обмотали ей несколько стрел, подожгли и пустили в указанном направлении десяток огненных гостинцев. Результат не заставил себя ждать. Вскоре, разлитая по стене смола вспыхнула, и пламя охватило не только полуразрушенный сарай, но и метров двадцать прилегавшей к нему стены. Языки огня лизали стену даже снаружи. Федор своими глазами видел, как со стены вниз сорвался человек, доспехи которого были объаты пламенем. С дикими криками он пролетел пятнадцать метров и камнем рухнул в ров, где его крик оборвался навсегда.

– Не повезло парню, – усмехнулся Летис, подмигнув Чайке и радуясь разраставшемуся шуму в стане врага. Черный дым валил уже всюду, словно горела нефтяная скважина, заволакивая даже рядом стоявшую башню и внезапно лишив видимости артиллеристов противника. В башне тоже стояли баллисты. И даже побольше чем у Федора.

– Добавьте-ка еще пару ядер, – приказал Федор своим артиллеристам, – для порядка. И соседям передайте, чтобы отметились.

– Ох, не одобрит этого Гасдрубал, – пробормотал осторожный Урбал, которому, однако, тоже не терпелось уже принять хоть какое-то участие в сражении.

– Ничего, – отмахнулся Федор, – сарай сгорит так быстро, что он и узнать не успеет.

Артиллерия осаждавших заработала сразу с нескольких осадных башен. Сарай, после попадания очередного ядра,

рассыпался огненным фонтаном, часть которого обрушилась за стену, только усилив там переполох. Ядра артиллеристов Гасдрубала забарабанили по стене, сметая с нее десятками солдат Эндимиона, но заставив и защитников прийти в ярость. Вскоре артиллерия Карфагена начала отвечать и ядра забарабанили уже по стенам укреплений нападавших. То тут, то там слышались стоны раненных. Артиллерийская дуэль быстро переросла в настоящий массированный обстрел позиций с обеих сторон.

– Да, – невольно усмехнулся Урбал, глядя, как ядра вышибают целые бревна из башен и частокола, разрушая и без того потрепанные деревянные укрепления, – Гасдрубал этого точно не заметит.

– Думаю, ему будет некогда, – в тон другу кивнул Федор, выглядывая из-за зубцов башни в сторону городских стен, – Поскольку придется отражать вылазку врагов. Как говорить, не атакуешь ты, атакуют тебя. А если мы победим, то он не будет слишком обижен на нас за эту небольшую заварушку.

– Ты здесь командир, – подвел итог Урбал, вслед за другом посмотрев в сторону ближайших ворот противника, из которых выбегал отряд пехотинцев, тащивших на себе осадные лестницы, – тебе решать. Похоже, ты сильно насолил нашему другу Эндимиону своей «легкой заварушкой» раз он решил немедленно отомстить.

– Тогда не будем отсиживаться за стенами, – решил Фе-

дор, сбегая вниз по лестнице, – мы слишком долго строили эти укрепления, чтобы дать врагу захватить их или уничтожить. Пора размяться на свободе.

А когда увидел, что оба друг устремились за ним, разрешил сделать это только Летису.

– Ты останешься здесь, командовать обороной, – приказал он Урбалу, и добавил, усмехнувшись, – должен же кто-то отчитаться перед Гасдрубалом за те глупости, что я только что натворил, если вдруг боги не пошлют мне удачу.

Отряд пехотинцев, а это были не спартанцы, как почему-то ожидал Федор, состоял примерно из трехсот человек. Подняв лестницы, они преодолели сухой ров по мосту, – едва захватив предместья, Гасдрубал приказал засыпать крайние оконечности рва, отчего вода в ров перед стеной больше не поступала, – и направились напрямик к башне, с которой был обстрелян сарай, догоравший сейчас на стене.

Когда они устремились вверх по холму, вершину которого венчали насыпь и сооруженные поверх нее укрепления армии Гасдрубала, Федор уже покинул эти укрепления через массивнее ворота и ждал гостей, выстроив своих солдат вдоль стены. Расстояние между противниками, и без того не большое, быстро сокращалось.

Солдаты Федора, затянутые в темно-синие кожаные панцири стояли, высоко подняв щиты, поскольку их начали обстреливать лучники со стен крепости. В ответ, из укрепленного лагеря отвечали свои лучники. Над головами бойцов

Чайки стало тесно от стрел.

— А ну, бойцы, — воскликнул Федор, когда между передними рядами противников осталось не больше тридцати метров, — покажем этим ублюдкам, кто здесь лучше воюет. За мной, орлы Ганнибала!

Его крику вторил рев Летиса, который выхватил фалькату и бросился вперед, опередив самого Федора. Не прошло и нескольких мгновений, как сверкавшие на солнце шлемами, щитами и остриями мечей отряды сшиблись друг с другом. И первым, кто нанес удар противнику, конечно, был Летис. Обогнав своего друга буквально на несколько шагов, здоровяк двумя ногами прыгнул на щит, в испуге выставленный слегка оторопевшим пехотинцем, в последний момент узревшим какой гигант на него бежит. Это было роковой ошибкой. От такого толчка пехотинец отлетел назад, выронил щит и пропал под ногами своих сослуживцев. А Летис, размахнувшись фалькатой, словно эпический богатырь, одним ударом снес голову следующему бойцу сената. Продвижение противника он, если не остановил, то, во всяком случае, пробил в рядах наступавших широкую брешь, в которую за ним следом вклинилось еще человек пять, включая самого командующего западным крылом.

— Вперед, морпехи! — орал Федор, хлестким ударом сверху вниз разрубая неосторожно выставленную ногу своему противнику, — где мы, там победа!

Финикийцы Гасдрубала рассекли на несколько частей

этот отряд, явно не ожидавший контраступления, и продолжали давить по всему фронту. Но, солдаты сената, оправившись от первого потрясения, тоже не собирались быстро сдаваться. Бой распался на части. Положение осложнялось тем, что солдаты обоих отрядов бились прямо под стенами. Сверху на их головы до тех пор, пока колонны не перемешались, сыпались стрелы. Артиллеристы до последнего забрасывали сражавшихся каменными ядрами. На глазах Федора, который в пылу атаки оказался с горсткой морпехов посреди вражеских бойцов, ядром пробило целую кровавую просеку. Причем было не разобрать, чье это ядро, свое и ли чужое. Оно прилетело откуда-то издалека и убило трех солдат Чайки и пятерых пехотинцев сената.

На мгновение, отвлекшись на это зрелище, Федор едва не пропустил удар в голову. К счастью, вовремя выставленный щит спас ему жизнь, — клинок противника со звоном соскользнул вниз. В ответ Федор сделал выпад и острием свой фалькаты вспорол противнику панцирь на животе. Кровь потекла по ногам пехотинца. Он еще пробовал защищаться, но Чайка добил его мощным ударом в шею. Выронив щит и меч, тот упал на выжженную солнцем землю, буквально в трех шагах от кровавой борозды, оставленной ядром и усеянной сейчас частями человеческих тел.

Оглянувшись по сторонам, Чайка понял, что они в окружении. Вместе с Летисом в его группе оставалось не больше пятнадцати бойцов, а от остальных отряд Чайки отделя-

ло несколько шеренг пехотинцев сената. «Приплыли, – мотнул головой Федор, позабывший об осторожности и, приготовившись продать свою жизнь подороже, – жаль так глупо умирать, но зато с клинком в руке. Хотя бы весело».

Он уже собирался издать боевой клич и призвать морпехов к прорыву сквозь ряды неприятеля к своим, но то, что он увидел в следующее мгновение, его просто потрясло. Крик застрял в глотке от удивления. Летис тоже уразумевший, что жить им осталось недолго, если не предпринять срочных мер, вдруг прыгнул в сторону, ударил ближнего пехотинца сената мечом и схватился за осадную лестницу. Ее тащили на себе четверо солдат противника, оказавшиеся рядом. Еще двое морпехов помогли Летису очистить ее от цеплявшихся рук, просто отрубив их. Они не понимали, чего хочет Летис, но сделали все верно. А сам великан резким движением вдруг вздернул лестницу вверх.

– Ты что, – крикнул Федор в изумлении, – к богам поближе собрался?

Но Летис не ответил. Он лишь толкнул лестницу вперед на шеренги противника и, пока она падала, устремился по ней бегом. Летис успел пробежать по лестнице метров семь, подминая под себя солдат сената, пытавшихся прикрыться щитами. А, когда она вдруг закончилась, просто прыгнул с разбега в самую гущу врагов. Но это, как успел заметить Федор, было уже почти на самом краю отряда сенатских пехотинцев. Оттуда раздался грозный рык, и тотчас полетели го-

ловы. Летис был без щита, но этот только прибавило ему прыти. С другой стороны на выручку Летису и остальным ударили морпехи.

– Ребята, – радостно воскликнул Федор, когда заметил просеку на месте «утопленной» в порядках противника лестницы, возникшую после прорыва его друга – путь свободен. Осталось только выйти из окружения. Вперед, за мной!

Объединившись с остальными, морпехи опрокинули остатки отряда противника, которому так и не удалось добраться до башни и отомстить за обстрел. Больше того, быстро скрывшиеся в крепости нападавшие потеряли здесь половину своих людей и все лестницы.

– А ты молодец, – похвалил Федор своего друга, когда все было кончено, и они, закинув за спину вновь обретенные щиты, шагали вверх по склону, стремясь быстрее укрыться от стрел разъяренных защитников крепости, – просто герой. Гасдрубал будет тобой доволен, когда я расскажу ему об этом.

– Не стоит, – поскромничал Летис, придерживая ножны хлеставшей по ногам фалькаты, – я сам не ожидал от себя. Просто надо было что-то делать.

– А впрочем, – добавил Федор, быстро согласившись, едва заметил на башне несколько знакомых шлемов с плюмажами, – ты, лучше сам ему расскажешь. А мне итак найдется, о чем с ним поговорить.

Глава вторая

«Воля богов»

Ветер был для скифов попутным, также как и для приближавшегося с юга неприятеля, а значит, слабая надежда проскочить вдоль берега все еще оставалась. Сколь ни был грозен скифский адмирал, взиравший с кормы «Узунлара» на огромный флот греков, почти заблокировавший ему обратный путь, а сражаться с такой армадой ему не особенно хотелось. И не потому, что он боялся, — Леха Ларин греков не боялся, он хоть сейчас бросил бы все свои силы в героическую, но последнюю атаку. Ему было просто обидно. После столь блестяще проведенного налета на неприятельские тылы, захватив столько добычи, — корабли просели в воду почти на метр под грузом греческого золота и живого товара, — и, сполна отомстив своему давнему врагу Иседону, Ларин немного утомился воевать. Он даже отказался от схватки со спартанцами, хотя просто руки чесались намылить шею этим самовлюбленным воякам. Ему впервые просто хотелось мирно вернуться в родную гавань.

В это утро адмирал уже настраивался на долгое и безмятежное плавание. Тем более, что Иллур вызвал его письмом не в Малую Скифию, до которой было рукой подать, а в «далекий» Крым, добираясь до которого можно было

успеть немного расслабиться. Но... не тут-то было. Греческий флот, о котором так много и давно говорили, и в пришествие которого Ларин уже не верил, как во второе пришествие, все-таки прибыл. И сделал это в самый неподходящий момент.

— Нет, ну какие сволочи эти афиняне, — возмущался скифский адмирал, поглядывая как разворачивает строй, пытаясь сомкнуть кольцо, объединенная армада греческих кораблей, большинство из которых были, без сомнения, афинскими, — сидели бы себе дома, пока до них очередь не дошла. А тут, — на тебе, нарисовались!

То, что ему не дадут уйти без боя, Леха Ларин понимал прекрасно. Не для того здесь собралась столько быстроходных военных кораблей. Насчитав больше сотни триер в открытом море, он перестал заниматься этим делом и безнадежно махнул рукой, даже не попытавшись определить число квинкерем. Одной больше, одной меньше, — какая разница. Это было уже не важно. Для того чтобы пустить на дно его пусть и сильный, но не такой могучий флот было вполне достаточно и половины этих кораблей.

Но, Леха просто не умел сдаваться. Загнанный в угол он всегда выбирал одно, — атаковать. Иначе был не приучен. «Помирать, так помирать, — примирился он со своей судьбой, — но сделать это надо так громко, чтобы до самых Афин слух докатился, что нет сильнее скифских моряков».

— Если отрежут путь, ударим вдоль берега, Темир, — ре-

шил не мудрствовать Леха, отдавая приказ капитану флагманской квинкеремы, который должен был транслировать его дальше, — курс не менять. Близко только триеры неприятеля. Если попробуют остановить, мы сомнем их своей мощью...

И добавил вполголоса, чтобы его никто не услышал:

— ...сколько сможем, пока не сомнут нас. Я хочу подороже продать свою жизнь.

Темир, кивнул, удаляясь.

Меж тем, греки совершали какие-то мелкие перестроения, словно никуда не спешили, и некоторое время флот Ларина двигался беспрепятственно параллельными курсами с врагом. Было видно, что грекам нелегко даются маневры. Попутный ветер помогал им догонять флот Ларина, уходящий в сторону Малой Скифии, но скорее мешал пока атаковать его, поскольку для этого всем кораблям нужно было совершить поворот на большой скорости с риском перевернуться или протаранить друг друга, а затем двинуться на сближение со скифами. Лучше всего в этом случае было обогнать флот Ларина и, развернувшись, встретить в «лобовой» атаке. Именно это и пытались сделать триеры авангарда, оторвавшиеся от основной массы кораблей.

— Боги на моей стороне! — прокричал Леха, погрозив кулаком неизвестному наварху, — Ураган на вашу голову. Попробуй, останови нас!

Погоня, к радости Ларина, затянулась. Одесс, вместе с

«умывшимися» спартанцами, остался далеко позади и давно скрылся за целой чередой прибрежных скал. Когда настало время для битвы, погода вдруг резко испортилась, — ветер пригнал целый табун дождевых облаков, — не говоря уже о том, что быстро наступал вечер. Враг сомкнул, наконец, кольцо окружения, но его корабли стали быстро таять в предвечернем сумраке, наполненном влагой. Из-за дождя видимость резко упала, хотя до ночи еще оставалось немало времени.

— Смотри-ка! — потешался Леха, удивленный тем, что боги так быстро ответили на его молитву, — похоже, намечается шторм. Лучше и быть не может. Так, глядишь, еще и проскользнем.

Он приблизился к борту, обойдя баллисту, и схватился за ограждение, пытаясь взглядом проникнуть сквозь строй поджидавших его впереди кораблей. Триеры греков уже спустили паруса и убрали мачты, изготовившись к атаке, отчего стали почти неотличимы от морской глади. Момент истины приближался. Но Ларина это ничуть не пугало, даже наоборот. Узрев, что твориться с окружающим миром, где назревал шторм, он испытал настоящий восторг. Леха любил стихию, быть может, оттого, что сам был ей подстать. Несмотря на мощный ветер, он рискнул и приказал не снимать парусов. Его флот, ударной группой которого были сейчас квинкеремы, несся вперед навстречу судьбе, разрезая волны с такой скоростью, что корабли скифов едва ли не черпали мас-

сивными носами воду.

Адмирал, так увлекся созерцанием этого полета в быстро сгущавшихся сумерках, что даже позабыл ненадолго о том, куда они так летят. И вспомнил о греках лишь тогда, когда сквозь вой ветра до него донесся какой-то треск. Удивленный адмирал успел заметить, что «Узунлар» со всего маху наскочил на греческую триеру, оказавшуюся на его пути, разнес в щепки ее изящную корму своим окованным медными пластинами тараном, и полетел дальше, оставив греков наедине со своим любимым Посейдоном.

– Прощайте! – издевался Ларин, посмотрев туда, где только что была триера, – хреновые из вас моряки, оказывается.

Тем временем «Узунлар» проскрежетал вдоль борта еще одной триеры, переломав ей все весла, и тут же, не преодолев еще, казалось, и сотни метров, с грохотом врезался в следующую.

– Да сколько же вас тут! – выругался Леха, вдруг заметив, что «Узунлар» резко потерял ход.

На этот раз удар пришелся в носовую часть. Триера получила пробоину и вроде бы стала тонуть, но вскоре выяснилось, что она крепко застряла на таране скифского судна, пытавшегося на всех парусах прорваться сквозь греческое заграждение.

– Черт побери, – матерился по-русски адмирал, глядя в мокрую мглу прямо по курсу, – Темир, надо от нее избавиться, иначе мы дотащим эту триеру до Малой Скифии, если

раньше не пойдем на дно вместе с ней.

– Убрать паруса! – нехотя приказал капитан, понимая, что теперь, потеряв ход, они могут стать добычей ближайших триер, словно стоя акул притаившихся в сумерках. Но другого выхода не было. Продвигаться вперед с висевшим на таране кораблем тоже было невозможно.

В этот момент что-то звонко щелкнуло Ларина по медному шлему, отскочив в сторону. Затем рядом вскрикнул морской пехотинец, – получив стрелу в шею, он рухнул на мокрые доски палубы. А вслед за этим адмирал увидел, как из мокрого мрака, словно черти из преисподней, на палубу его корабля ловко карабкаются греки с поверженной триеры. Несколько человек со щитами и мечами уже перебралось на палубу «Узунлара».

– Мне такие гости не нужны! – пробормотал Леха, чудом уклонившись от очередной стрелы, и рывкнул на стоявшего неподалеку командира морпехов, – Сбросить эту падаль в море! Очистить палубу от греков!

Тот отдал несколько приказаний и бойцы в кольчугах, размахивая мечами и топорами, бросились в драку с греческими гоплитами. Греки, которым было уже нечего терять, решили попытать счастья в абордажном бою и захватить скифский корабль. Но адмирала «степняков» такой поворот событий не устраивал.

К этому моменту греков на носу квинкеремы набралось уже человек двадцать. Скифы окатили их градом стрел, про-

редив немного, а с остальными схватились на мечах. Гоплиты свое дело знали, и драка завязалась жаркая, несмотря на численное превосходство скифов.

Между тем, выполняя приказ капитана, матросы убрали паруса, а гребцы дали задний ход. «Узунлар» медленно стал двигаться против ветра, со скрежетом избавляясь от мешавшего груза. Увидев и услышав это, греки заметались по палубе скифского корабля еще сильнее. Кроме того, остававшиеся до сих пор на полупритопленной триере бойцы, видя неминуемую смерть своего корабля, из последних сил, цепляясь за все, до чего могли дотянуться, принялись карабкаться вверх и вскоре на палубе «Узунлара» появилось еще дюжина гоплитов.

– Смотри по стонам! – приказал Ларин капитану, нервно хватаясь за рукоять висевшего на поясе меча и бешено вращая глазами, словно пытался пронзить взглядом окружающую тьму, – того и гляди, еще кто подкрадется. Тут же этих греков не меряно.

К счастью, его опасения оказались напрасными. Во всяком случае, пока. Бой шел уже давно, но за это время никто больше не протаранил «Узунлар», отягощенный грузом и по сути обездвиженный, хотя корабль и представлял собой легкую мишень.

Когда поверженная триера исчезла в морской пучине, избавив «Узунлар» от ненужного груза, корабль так сильно качнуло с носа на корму, что многие из сражавшихся попада-

ли на палубу. Поняв, что пути назад уже нет, оставшиеся греки предприняли отчаянную попытку прорыва, которая им удалась. Человек семь гоплитов, прорубившись сквозь строй скифских морпехов, бросились на корму в отчаянной попытке обезглавить комсостав «Узунлара». Но скифские вожди были не из трусливых. Ни капитан, ни адмирал, ни еще пара военачальников, оказавшиеся рядом, не стали прятаться за спинами морпехов. Даже наоборот.

Когда в нескольких шагах показались греки, едва различимые во мраке по отсветам на доспехах и клинках, Ларин даже обрадовался. Его горячая кровь уже бурлила от предвкушения хорошей драки. Хотя в такой темноте, трудно было разобрать, где свои, а где чужие, и ему большого труда стоило не отдать с началом схватки приказ зажечь факелы. Адмирал понимал, – сделать это сейчас, все равно, что вызывать весь «огонь» на себя.

Вместо этого он сам шагнул вперед.

– А ну, подходи! – крикнул он и, выхватив клинок, бросился навстречу рослому гоплиту, – кто хочет первым отпробовать моего меча?

Грек выскочил из-за метательной машины и метнулся вперед, резко выбросив руку с клинком. Если бы не ловкость адмирала, то меч вонзился бы ему меж ребер. Но Ларин был не первый день на войне и угадал направление удара. Поэтому клинок лишь разрезал воздух в том месте, где он только что был. А сам адмирал, отпрыгнув в сторону, нанес мощ-

ный рубящий удар сверху. Его меч со звоном обрушился на медный шлем гоплита, спасший греку жизнь.

– Это ненадолго, – выдохнул Леха, нанося новый удар, который слегка оглушенный грек отразил уже щитом, – я тебе обещаю!

Силы были, на первый взгляд, не равны. Грек был опытным бойцом. И он поверил в то, что сможет быстро достать скифского военачальника. У гоплита имелся щит, а у Ларина нет. Поэтому он, после первых успехов, был вынужден отступить в пространство между баллистой и бортом. А гоплит, уже предвкушавший скорую смерть своего поединщика, устремился за ним.

Ларин же, зная свой корабль, использовал все «неровности» на палубе, чтобы заманить грека в ловушку. Ложным отступлением, он заставил гоплита поверить в победу и сделать ошибку. Лишь отбивая удары, Леха подался еще назад и вскоре уткнулся спиной в ограждение борта, краем глаза заметив, что его соплеменники рубятся с греками на корме.

Обменявшись парой ударов, бойцы замерли на мгновение.

– Тебе конец, – заявил гоплит, слегка опуская клинок и переводя дух. Он взирал на Ларина со злобным блеском в глазах сквозь прорези своего шлема. А на щите Ларин разглядел, несмотря на темноту, выпуклое изображение Афины.

Крепчавший шторм раскачивал корабль, палуба и снасти

которого нещадно скрипели. Правая нога Лехи уперлась в какую-то поваленную бочку. Рядом стояла плетеная корзина, в которой переносили каменные ядра. Но, есть там что-то или она пустая, Леха пока не мог понять. Шум схватки на носу постепенно затихал, а здесь, у кормы, бой был в разгаре.

– Не торопись, парень, – ответил по-русски адмирал, – ты слишком размечтался.

Тогда грек в ярости рубанул его мечом. Ларин, прижатый к мокрому ограждению, на котором тщетно пытался нащупать спиной чей-нибудь забытый щит, едва отразил удар клинком. А затем толкнул бочку под ноги гоплиту. Тот оказался ловким. Услышав шум, он, словно обезьяна, подскочил вверх, но приземлился неудачно и все же задел ее одной ногой. При этом гоплит покачнулся, едва не растянувшись на палубе, и отскочил назад на несколько шагов, бешено озираясь по сторонам.

Этого Ларину было достаточно. Подхватив плетеную корзину, – а ядро там все-таки было, да еще не из самых легких, – Леха, словно заправский метатель ядра, швырнул ее прямо в грудь не твердо стоявшему на ногах гоплиту. И, промахнулся. Попал прямо в лицо. От неожиданного удара шлем слетел с его головы, а сам оглушенный боец, выронив щит и меч, распластался на палубе во весь рост, хотя мог бы и улететь за борт.

– Да я могу выступать у вас на олимпийских играх, – похвалил себя за меткость адмирал, едва выбравшийся из пе-

редяги, – взял бы все медали.

Впрочем, дело нужно было закончить. Враг был оглушен, но жив. И Ларин, подняв клинок, устремился вперед. Но, в этот момент на него сзади бросился еще один грек, на сей раз без щита. Леха, не изменившись в лице, и не разворачиваясь, хладнокровно перехватил меч в руке и, развернув его в обратную сторону, крепко сжал. Гоплит сам наскочил на него со всей прыти. Раздался чавкающий звук, который издает клинок, погружаясь в плоть, и затем сдавленный стон. Гоплит выронил меч, ноги его подкосились.

– Осторожнее надо, – «пожурил» его адмирал, выдергивая окровавленный клинок, – в таких делах.

И не дожидаясь, пока мертвое тело упадет на палубу, с разворота вонзил меч в шею распластанному на палубе греку, который уже слегка пришел в себя и попытался подняться. Не успел. Клинок скифского адмирала разрубил ему горло, пригвоздив к палубе, словно вампира. Кровь, фонтаном хлынула наружу, а грек вновь откинулся на мокрые доски и затих навсегда.

Спустя мгновение рядом с Лариным появилось несколько запыхавшихся после драки морпехов во главе с капитаном «Узунлара», легко раненным в руку. Прорвавшиеся на палубу греки были уничтожены полностью.

– Уберите мертвецов, – приказал Ларин, отходя в сторону, – эти почитатели Афины испачкали мне своей кровью весь корабль.

Он втянул носом ветер, наполненный морскими брызгами, осмотрелся по сторонам, тщетно пытаясь разглядеть корабли неприятеля, и добавил:

– Поднимайте паруса, если никто больше не мешает нам плыть. Мы идем дальше.

Пока солдаты сбрасывали за борт мертвых греков, для которых страшнее такой смерти было не придумать¹, моряки укрепили мачты и подняли паруса. Ветер надул их мгновенно и «Узунлар», словно «Летучий голландец», вновь понесся вперед сквозь мрак, навстречу судьбе. Первое время Ларин с настороженностью вслушивался в рев ветра, боясь услышать звук очередного тарана, который мог остановить их навсегда. Но, шли минуты, бешено колотилось сердце адмирала, а ничего больше не происходило. Ничто не мешало кораблю скифов продвигаться вперед.

– Похоже, прорвались, – осторожно заметил Ларин вслух, когда прошло полчаса такого плавания, – узнать бы, где остальные наши корабли.

Темир, стоявший поблизости с рукой на перевязи, едва расслышал своего адмирала. Ветер уже просто ревел, пригибая корабль к волнам и грозился вот-вот потопить неразумных корабелов, до сих пор не снявших паруса. Капитан еще раз напомнил об этом Ларину.

– Подожди еще немного, – проговорил не слишком уве-

¹ Согласно обычаем, мертвые греки должны были быть преданы земле, где бы они ни умерли. Утонуть в море для них считалось страшной смертью.

ренно Ларин, едва устоявший на ногах после налетевшей волны, что смысла за борт сразу пятерых морпехов, – надо удалиться от афинян насколько возможно, чтобы они потеряли нас.

Адмирал вытер лицо рукой, ощутив на губах морскую соль.

– Если боги пощадят нас этой ночью, очень глупо будет наутро опять оказаться посреди афинских триер.

Они неслись сквозь ночь и вой ветра еще столько же времени, и лишь тогда Ларин разрешил убрать паруса. По его представлениям, скифы должны были оторваться от преследователей на значительное расстояние, если их вообще сейчас кто-нибудь преследовал. Пока убирали паруса, за борт смыло еще несколько человек.

– Ну, все, – заявил адмирал, последним скрываясь под палубой, где уже давно спрятались все остальные, накрепко задраив весельные порты, – теперь все зависит от воли богов.

Под струйками непрерывно лившейся ему на голову соленой воды, он спустился вниз по скрипучей лестнице и затем по неистово качавшейся палубе добрался до своего узкого кубрика. Там он повалился на жесткую лежанку, положившись на судьбу. За этот день он так устал, что даже смертельная опасность не помешала ему вскоре забыться сном.

«Лишь бы ветер не переменялся, – успел подумать скифский адмирал, проваливаясь в забытие, – да из моих людей кто-нибудь выжил. Тогда, все не зря».

Всю ночь он слышал сквозь сон скрипы снастей и стоны корабельных палуб, которые безумная стихия проверяла на прочность. Но, корабль скифов устоял против нее. И когда Ларин отважился выбраться на палубу, он еще раз убедился в том, что последователи Гиლისподиса не зря ели свой хлеб. «Узунлар» был потрепан, но не выведен из строя. Не хватало части бортовых ограждений, одну баллисту смыло за борт, вырвав вместе с креплениями из палубы, но рулевые весла были на месте и мачты тоже сохранились, – их прикрепили надежно.

К счастью этот мощный шторм оказался не продолжительным и к утру море, если не до конца успокоилось, то уже сменило гнев на милость и лишь слегка пенилось, напоминая о вчерашнем урагане. Леха осмотрел горизонт и заметил не слишком далеко полосу земли, а рядом с ней и несколько пятен, очень походивших на корпуса судов. Правда, чьи это были суда, Ларину было не разобрать. Но его успокаивало одно, чьи бы ни были, их насчитывалось не слишком много, штук пять, да и располагались они на приличном расстоянии от «Узунлара». По первому впечатлению они были также потрепаны штормом и занимались ликвидацией повреждений.

– Как думаешь, где мы? – спросил Ларин у капитана, который отдавал показания матросам, копошившимся на палубе.

– Похоже, нас отнесло не слишком далеко, – поделился соображениями Темир уже давно рассмотревший все, что происходило вокруг, – ветер ночью почти не менял направления

и мы либо где-то в районе Малой Скифии, либо еще дальше.

– Значит, это могут быть наши корабли? – с неожиданной радостью в голосе предположил адмирал, и добавил уже с сомнением, – хорошо бы. Главное, чтобы греков в округе не появилось. Хотел бы я знать, куда они все подевались?

Он прошелся вдоль кормы, разглядывая пенные буруны волн, на которых раскачивалась квинкерема, и добавил:

– Ставь паруса, пора выбираться отсюда.

– Куда держим курс? – уточнил капитан.

Ларин думал недолго. Природное любопытство быстро взяло верх.

– В сторону берега. Так, чтобы пройти поблизости от этих судов и присмотреться получше. Может быть, это мои корабли. Должен же был кто-то кроме нас прорваться сквозь греков.

Ларин помолчал и добавил со свойственным ему гонором.

– Ну, а если это греки, то мы должны успеть оторваться. Хотя их всего-то несколько штук. Это не сила. Справимся.

Темир выполнил приказ и вскоре на мачтах «Узунлара» затрепыхались паруса. Ветер мгновенно наполнил их, и корабль устремился к берегам, в которых Ларин очень надеялся вскоре опознать Малую Скифию.

Глава третья

«Мятежники поневоле»

Свеча догорела и погасла, издав на прощанье легкое шипение, словно недовольная змея. Федор перевел задумчивый взгляд на другой подсвечник, где также виднелось несколько чадающих огарков: разговор в шатре командующего явно затянулся. Время уже давно перевалило за полночь, неумолимо приближаясь к рассвету, а конца этому разговору все не было. Впрочем, имелись и свои положительные стороны, — ночью беседовать было не так жарко. Да и несколько кувшинов вина, выставленные на столе, скрашивали долгий разговор. А поговорить было о чем.

— Значит, ты уверен, что сможешь пробраться в город и поднять там мятеж? — недоверчиво повторил свой вопрос Гасдрубал, отпивая глоток вина из чаши.

Кроме него и Федора Чайки в шатре уже никого не было. Разобрав в самом начале совещания все тактические вопросы, Гасдрубал отпустил Илмаха, «командующего восточного фронта», как называл его за глаза Федор, числившийся «командующим западного крыла» армии, осадившей Карфаген. Также Гасдрубал не стал задерживать помощников Илмаха и Федора, в числе которых шатер главнокомандующего покинули Адгерон, Карталон, Амад, Кумах и Мазик. Оставшаяся

часть разговора не предназначалась для такого количества ушей. Еще один представитель семьи Баркидов, – Магон, – оставался на Пиренейском полуострове, командовать, «испанской группой войск». Братья Сципионы никак не хотели сдаваться и еще держали часть испанского побережья, сконцентрировав на нем остатки потрепанных легионов и морских сил. Впрочем, пехотинцами армии Ганнибала там командовал Офир, правая рука знаменитого полководца Атарбала, поэтому Федор не сомневался, – окончательный разгром испанской группировки римлян, вопрос времени. Надо лишь взять Карфаген, чтобы развязать себе руки. А глава союзных нумидийцев царь Сифакс еще три дня назад ненадолго отлучился в Цирту, чтобы навестить красавицу-жену.

– Это будет не так легко, после того, что вы натворили со своим другом, – усмехнулся Гасдрубал, вспомнив неожиданно возникшее сражение и пожар в крепости, едва не распространившийся на всю стену, – такой шум даром не пройдет. Сенат прикажет охранять стены еще лучше.

К счастью, эта неожиданная стычка с солдатами сената при участии его друга, устроенная по инициативе Федора, сошла обоим с рук довольно легко. Федру удалось значительно потрепать гарнизон крепости и почти разбить отряд нападавших. Поэтому Гасдрубал, давно собиравшийся предпринять новый штурм, лишь легка пожурил нетерпеливых военачальников и солдат. Он понимал, что сидеть без дела под стенами гораздо труднее, чем воевать, но также отчетливо

понимал, что взять Карфаген с наскока еще никому не удавалось. Слишком давно он служил этому городу. Тут нужна была военная хитрость, и Федор намекнул ему, что у него есть одна идея, которая может помочь делу.

– Как бы сильно не приказывал сенат охранять стены, лазейка всегда найдется, – произнес Чайка, также пригубив вино из раззолоченной чаши, – я в этом уверен. А, кроме того, в за городскими стенами немало недовольных. Мне доносят лазутчики, что сенат нервничает. Приказано казнить любого, только за то, что он просто произносит ваше имя.

Гасдрубал усмехнулся.

– Сенат так меня боится? Впрочем, ты прав, мне тоже доносили об этом. А еще о том, что далеко не всем, кто еще держит сторону сената нравится, что в городе расквартирован римский гарнизон. Ненавидеть меня, еще не значит любить римлян. А теперь им приходится это делать.

– Вот именно, – кивнул Чайка, чуть наклоняясь к столу, так что блики от свечей заиграли на его кирасе, и переходя на полусшепот, словно его слова мог услышать кто-то, кроме единственного собеседника, – засевшим в городе карфагенянам все еще приходится делать сложный выбор: кому служить. И, я уверен, далеко не все, кто оказался за стенами так уж ненавидят нас. Многие оказались там поневоле.

– Военачальники сделали свой выбор, – наклонил голову Гасдрубал, – теперь все, кто держит сторону сената, враги Баркидов.

– Это так. Но, если говорить о кварталах бедноты, купцов или ремесленников, а они составляют основное население этого города, – настоял на своем Федор, – то им никто не предлагал никакого выбора. А если бы предложил, то, мне думается, ответ мог бы удивить сенат. Это мощная сила и ее недовольство только растет. Мы можем использовать ее, приблизив победу.

– Уж не собрался ли ты освободить рабов? – усмехнулся Гасдрубал, снова откидываясь в кресле с высокой спинкой, и нахмуривая свои черные брови, – боюсь, мы к этому еще не готовы. Ты уже итак достаточно нашумел на юге, когда продвигался со своей армией ко мне навстречу.

– Да, я сжег немало поместий сенаторов и распустил их рабов и слуг, – подтвердил Федор, вспоминая свои «революционные» действия, – но, это было необходимо. Так мы подорвали власть сенаторов в этих районах. Стоит пообещать народу то, что ему нужно, и он пойдет за нами.

– Может быть, – нехотя согласился Гасдрубал, смерив Чайку взглядом, в котором можно было прочесть озабоченность тем, что Федор слишком много на себя брал, – но, не стоит увлекаться этими обещаниями. Сейчас уже не та ситуация. Город мы должны взять, но рабы останутся рабами, кому бы они ни служили. Нельзя обещать им свободу.

– Ганнибал предупреждал меня об этом, – не стал развивать неудобную для столь высокопоставленных лиц тему Федор, тем более, что сейчас его интересовало только одно, как

быстрее проникнуть за стену, разыскав там жену и сына, – и я не призываю освободить всех рабов. В Карфагене и без них хватит недовольных политикой сената и римлянами. А, оперевшись на таких людей, мы могли бы устроить в городе если не мощное восстание, то хотя бы вызвать панику.

Федор даже встал от охватившего его возбуждения и прошелся вдоль стола, на котором между подсвечниками и кувшинами вина, лежало несколько выполненных на коже карт укреплений великого города и его окрестностей, включая морские.

– Например, мы могли бы вывести из строя источники воды, – предложил Чайка, имевший немалый опыт диверсионных действий в тылу противника, – или устроить несколько пожаров на складах с продовольствием и оружием.

– Ты хочешь отравить воду и поджечь склады? – повторил Гасдрубал, в задумчивости покачав головой, – мысль неплохая. Но, уверен, все они, хорошо охраняются. Ганнон и Магон, заправляющие сейчас в сенате Карфагена, тоже не глупцы и понимают, отчего зависит их будущее. Без штурма и прорыва мы не сможем тайно перекинуть через стены даже несколько спейр, чтобы силой захватить их.

Федор обошел стол и приблизился к своему начальнику, остановившись в двух шагах.

– А нам и не понадобится столько солдат. Главное, суметь подобраться к источникам и складам скрытно. Их расположение нам известно. Для этого подойдет небольшой от-

ряд опытных в таких делах бойцов или несколько мелких групп. А помощников можно на вербовать на месте. Риск есть, но цель того стоит. Ведь именно для этого мы сюда и пришли.

– Кого ты хочешь послать туда? – не стал тянуть с лишними расспросами Гасдрубал, итак уже уставший от долгих разговоров. Однако, по всему было видно, что его захватила идея устроить серию диверсий, а если повезет, то и восстание в тылу противника, – ведь это дело не простое.

– Если я пойду сам, то смогу все организовать, не сомневайтесь, – выдохнул Федор, взявшись двумя руками за ремень, и затаил дыхание, ожидая ответа. Слишком много зависело сейчас от него.

– Ты хочешь пойти сам? – Гасдрубал поднял удивленные глаза на Чайку, слегка нависавшего сейчас над ним.

Федор, молча, кивнул. Карфагенянин медленно изучил его взглядом, словно пытаясь проникнуть в мозг Чайки, и, постепенно удивление в его глазах исчезало. Видимо, он припомнил, что Чайка уже не раз оставлял свои войска для того, чтобы лично поучаствовать в «спецоперациях». И, хотя такие действия не очень вязались с рангом командующего крупного соединения, которого Федор уже достиг к настоящему моменту, Гасдрубал не выказал особого возмущения. Видимо, вспомнил о тайной страсти своего брата Ганнибала, – тот тоже, если верить передаваемым вполголоса рассказам и однажды виденному в Таранте лично Федором, – лю-

бил иногда проникнуть в самую гущу врагов, переодевшись кем-либо из местных жителей, чтобы лично проверить донесения разведчиков и заодно пощекотать себе нервы. А для этого требовалось иногда отлучаться из штабного шатра.

Гасдрубал закончил свои наблюдения и, наконец, проговорил.

– Что же, в этом есть смысл. Если дойдет до восстания, то у него должен быть лидер известный и народу и военачальникам. Твое имя достаточно известно даже римлянам.

Немного помолчав, Гасдрубал, продолжил свою мысль.

– А когда сенаторы узнают, кто именно возглавляет восстание и находится в городе...

– Они начнут искать меня с удвоенной силой. Это усилит панику и отвлечет их от обороны, – осмелился заметить Федор, – все это нам только на руку.

Гасдрубал помедлил еще мгновение, но все же произнес:

– Сколько времени тебе нужно на подготовку?

От радости Чайка едва не выпалил, что готов выступать немедленно, хоть завтра. Но, к счастью, сдержался. Как бы он не хотел броситься на поиски своей семьи, – находившейся в стане врага, о чем Гасдрубалу тоже могло быть известно, – серия громких диверсий в хорошо охраняемом городе дело не легкое. Это требовало времени и подготовки. Но и особенно задерживаться Чайка тоже не собирался. Война шла не только здесь, но и в Испании, и самой Италии, где был вновь окружен Ганнибал. В любой момент положение

могло резко измениться. От того, кто быстрее выиграет свое сражение, сейчас зависело все.

– Думаю, мне понадобится несколько дней, – выдержав паузу, ответил Федор, уже прикидывая, кого из проверенных бойцов возьмет с собой, – чтобы подобрать два или три небольших отряда.

– Хорошо, – кивнул Гасдрубал, давая свое согласие на подготовку тайной операции, – Кого бы ты мог на время оставить командовать солдатами вместо себя?

Отвернувшись от Федора, он вновь принялся за вино и фрукты, словно дело было уже сделано. Карфаген взят, а сенаторы преданы казни.

– Уверен, мой боевой товарищ Урбал заслужил это, – ответ у Федора родился сам собой, – он уже командовал крупными соединениями и вполне способен заменить меня на... небольшой срок.

– Что же, – согласился и на это Гасдрубал, жестом предлагая Федору сесть и отведать закусок, – Урбал способный военачальник, мы прошли с ним всю Ливию и добрались до Карфагена. И, раз ты готов поручиться за него, я, пожалуй, дам ему шанс.

Казалось, вопрос исчерпан. Некоторое время два военачальника поглощали закуски и попивали вино, наслаждаясь трапезой. Федор молчал, уже обдумывая детали предстоящего рейда в «глубокий тыл противника» за мощные карфагенские укрепления. Гасдрубал тоже ничего не говорил, с виду

увлеченный только едой. Но и в его мозгу уже складывался хитроумный план.

– Даже если тебе удастся поднять восстание, без одновременного штурма оно обречено на провал, – первым нарушил затянувшееся молчание Гасдрубал, – здесь очень важно, чтобы все случилось одновременно. А для этого понадобится держать с тобой связь, обмениваться информацией.

– Да восстание и штурм должны случиться одновременно, – кивнул Федор, все еще пребывая в задумчивости, – в идеале восставшие должны бы захватить часть укреплений изнутри, например башню. И держать ее до подхода атакующих сил, а в нужный момент открыть ворота, обеспечив прорыв обороны в одном или даже в двух местах.

– Ты уверен, что у тебя хватит людей захватить сразу две башни? – саркастически поинтересовался Гасдрубал, – ты недооцениваешь наших сенаторов, Чайка. Как только в городе начнутся волнения, они немедленно усилят охрану укреплений. Так что, будет большой удачей, если тебе удастся захватить хотя бы одну башню или ворота.

– Боги на моей стороне и мне повезет, – отмахнулся Чайка, который уже давно полагался больше на интуицию, чем на здравый смысл и не желавший все просчитывать до мелочей, – главное, чтобы мне удалось сделать это одновременно с началом общего штурма. Последнего мощного штурма, что принесет нам окончательную победу. А для этого мне действительно нужна связь.

– У нас есть надежные люди за городскими стенами, – медленно, словно нехотя произнес Гасдрубал, погладив свою окладистую бородку, – их имена и как их разыскать я сообщу позже. Мне нужно кое-кого из них проверить, пока ты будешь готовить своих людей.

– Тогда, не будем терять драгоценное время, – Чайка встал, взглядом испрашивая разрешения покинуть шатер.

– Ты можешь идти, – кивнул Гасдрубал, все еще держа в руке чашу с вином, – я пришлю за тобой, когда у меня будет нужная информация.

А когда Чайка уже отдернул полог, чтобы раствориться в ночи, добавил.

– Но, помни. Об этом предприятии знаем только мы с тобой. Все делай скрытно. Для своих офицеров, включая Урбала, официально ты будешь откомандирован по срочному заданию в Нумидию.

«В Нумидию, так в Нумидию. Что я мальчик, что ли, – усмехался Федор, шагая в одиночестве сквозь лагерь, освещенный факелами, блики которых играли на его шлеме и кирасе, – он что, думает, что я буду трезвонить о начале операции на каждом углу? Да если бы он знал, как сильно я хочу пробраться в Карфаген незамеченным и разыскать Юлию, то вообще не заикнулся бы об этом».

В глубине души Чайка вообще думал о диверсиях и предстоящем штурме гораздо меньше, чем следовало в его положении. Тем более, что сам вызвался на эту авантюру. Ша-

гая по преддрассветному лагерю, где навстречу ему постоянно попадались конные и пешие патрули, командующий западного крыла размышлял лишь о том, как, оказавшись в Карфагене, в непосредственной близости от вероломно похищенной жены и ребенка, он сразу же займется их поисками. А война подождет. Немного, самую малость. И сенаторы и Баркиды, с их окончательным выяснением отношений, подождут до тех пор, пока он не разыщет семью. Во всяком случае, ему очень хотелось верить, что все случится именно так.

Входя в ту часть лагеря, где располагались его войска, и, сообщив пароль маячившей у ворот страже, Чайка подумал о сенаторе Магоне, которого некогда спас от смерти и который теперь так изощренно отомстил ему за то, что Федор выбрал сторону Ганибалла. В том, что за похищением стоит именно Магон, Чайка почти не сомневался. Марцелл просто храбрый солдат, кровно обиженный на свою дочь, и сенатор наверняка использовал эту обиду, сыграв на чувствах строгого вояки.

– Найду и убью, – пообещал Чайка своему бывшему благодетелю, а теперь невидимому противнику. И добавил, вспоминая Марцелла, державшего в заложницах собственную дочь и внука, – обоих.

Следующие три дня прошли в поисках надежных людей и тайных сборах. Как командующий Федор мог отдавать какие угодно приказы и вызывать к себе всех, кого пожелает, не

вызывая подозрений. Этим он и воспользовался, когда понадобилось усилить активность.

Первым делом Чайка вызвал к себе друзей, Урбала с Летисом, и обрадовал обоих. Первого высоким, хоть и временным назначением, а второго, что берет его с собой на очередную авантюру.

– Будешь командовать тут вместо меня, – сообщил он немало удивленному другу, когда тот вместе с Летисом прибыл в походный шатер командующего западного крыла, – пока я сделаю одно дельце в Нумидии.

– Тебя что, – услышав о Нумидии, все же не удержался от ерничества польщенный назначением Урбал, – отправляют к царю Сифаксу, охранять его прелестную жену?

– Думаешь, во всей Нумидии, кроме охраны этой красоти у нас больше нет других занятий? – не обиделся на шутку Федор, – нет, у меня наметилось дельце поважнее. А ты тут смотри, не расслабляйся. Есть сведения, что сенаторы готовят крупную вылазку. Если проморгаешь ее, мало не покажется. Я поручился за тебя перед Гасдрубалом.

– Не беспокойся, – стал серьезным Урбал, – не проморгаю. Гасдрубал останется доволен моей службой. И тебя не подведу.

– Я так ему и сказал, – кивнул головой Чайка, разглядывавший походную карту, что лежала перед ним на столе, чтобы убедить друга в том, что действительно собирается в Нумидию.

– Это надолго? – уточнил его смуглолицый собеседник, проследив за взглядом Чайки. При этом он поправил ножны своей фалькаты, что немного мешали ему сидеть. Урбал только что вернулся с передовой, где занимался осмотром вверенных ему укреплений.

– Не знаю, – делано развел руками Федор, – думаю, дней двадцать, не меньше. Но и, надеюсь, не больше. Так что, придется тебе тут за меня отдуваться перед командованием.

– Это не долго, – слегка ухмыльнулся Урбал, откинувшись в кресле с короткой спинкой, – прошлый раз твоя неожиданная прогулка Италию длилась гораздо дольше.

– Прошлый раз, – подтвердил Федор, вспоминая свое неожиданное похищение людьми Магона, и все события, произошедшие вслед за этим, – все вышло случайно и против моей воли. Сейчас все завершится быстрее. Боги на моей стороне.

Он помолчал немного, вспомнив о превратностях судьбы и тех опасностях, что грозили ему в Карфагене со всех сторон.

– Надеюсь, быстрее, – поправился он, отрывая взгляд от карты и переводя его с Гасдрубала на Летиса, удивленного не меньше друга, но пока молча внимавшего Федору.

– А мне что делать? – наконец раскрыл рот здоровяк.

– Нам понадобится небольшой отряд людей, способных хорошо лазить по скалам, – начал издалека Федор, обращаясь сразу к обоим, – у нас есть кто-нибудь в живых из тех, с

кем мы начинали поход на Рим?

– Со мной служат двое парней, – вспомнил Летис.

– В моей спейре, когда мы только вторглись в Нумидию, еще служило человек десять из тех, с которыми мы штурмовали замок васконов в Испании, – поделился соображениями Урбал, и уточнил с некоторым удивлением, – а ты что, собрался захватить нумидийскую крепость? Уж не за Масиниссой ли ты собрался?

– Разыщи их и пришли ко мне, – Федор взглядом дал понять, что с этого момента всякие вопросы насчет цели предприятия излишни, – мне понадобится человек тридцать, не больше. Делать это надо не привлекая внимания, поэтому всех, кого найдешь, отправляй в барак, что на восточной стороне лагеря, рядом с конюшнями.

– Он сейчас занят солдатами из инженерного отряда, – напомнил Урбал, – а рядом расквартированы артиллеристы из осадного обоза.

– Значит, этот барак надо освободить, – приказал Федор, – переселишь дня на три-четыре всех в другой, а этот мне понадобится.

Чайка обвел взглядом друзей и уточнил.

– Итак, примерно десять человек. Это все? Мне нужно больше.

– Идет война, Чайка – напомнил Урбал, – люди гибнут каждый день. Даже опытные бойцы.

– Ну, если из опытных бойцов того призыва больше в жи-

вых никого не осталось, – решил Федор, – то наберите мне самых смышленных и ловких из тех, что есть под рукой. Придется обучить их войне в горах по ходу дела.

– За три дня? – удивился новоиспеченный командующий, немного удивленный поведением Федора, – ты не успеешь.

– Выбора нет, – отрезал Чайка, – приступайте. Гасдрубал ждет от меня отчета о готовности нового подразделения через три дня.

Слегка удивленный Урбал все же воздержался от дальнейших вопросов и вышел выполнять приказание.

– А ты обожди, – задержал второго друга Федор, и, немного поколебавшись, добавил, глядя в глаза ничего не понимавшего Летиса, – наведайся по-тихому на склад и подбери там снаряжение для трех десятков человек. Веревочные лестницы, крюки для лазания по каменным стенам, ну, ты помнишь, что нам было нужно в горной войне против васконов.

– Помню, – кивнул Летис, – такое забыть трудно.

– И главное, – перешел Федор на доверительный шепот, – поменьше болтай языком. Никому об этом деле не рассказывай. О нем знают только ты, я и Урбал.

– Могила, – стукнул себя кулаком по груди Летис, польщенный, что ему вновь доверили участие в какой-то секретной заварушке, – а что говорить солдатам? Куда собираемся?

– Ничего толком пока не говори. Скажи, что для них на-

шлось специальное дело за пределами лагеря и все. Понял? – ответил Федор, смерив здоровяка испытующим взглядом, – чем меньше они будут знать до отхода, тем лучше.

– Понял, – не очень уверенно подтвердил Летис, сам еще толком не осознавший свою задачу, – а куда мы идем?

– Придет время, узнаешь, – огорошил его Федор, – недолго осталось.

Летис слегка опешил, но больше не дождался от Федора никаких объяснений и вышел из шатра, зашагав в сторону оружейных складов.

Сам Чайка тем же вечером в одиночестве, чтобы не привлекать внимания, – по легенде он отбывал в Нумидию, – отправился на берег моря, контролировавший на всем протяжении войсками и флотом Гасдрубала. Там, прогулявшись вдоль линии вытщенных на берег кораблей, он присмотрел себе для дела новехонькую бирему, в которой вполне можно было разместить тридцать человек со снаряжением. Капитан биремы был лично знаком Федору, надежный моряк. Но ему тоже будет дан секретный приказ: принять на борт неизвестный отряд, доставить его к месту высадки и навсегда забыть об этом. Во всяком случае, до победы.

«Тесновато получится, но щиты оставим, а два корабля это уже многовато, – решил Федор, рассматривая в сгущавшихся сумерках такие близкие, но неприступные стены Карфагена, – легче будет заметить наш подход. А на одной биреме, помоги Баал-Хаммон, как-нибудь подберемся».

План проникновения в закрытый со всех сторон Карфаген, уже почти созрел у него в голове. То была простая математика. Чтобы попасть за линию фронта со стороны суши потребуются преодолеть три стены, а со стороны моря город защищала пусть и высокая, но всего одна. Главное было незамеченными взобраться на нее, а дальше, – дело техники. Спуститься вниз в гавань, затеряться среди кораблей и народа, пробраться сквозь вторую стену в городские кварталы. Как именно преодолеть эту вторую стену, в которой имелись многочисленные ворота, охранявшиеся бдительными стражниками, Чайка еще не придумал. Но, не сомневался, что за оставшееся время придумает.

«Был бы у меня акваланг или подлодка, – вспомнил о прошлой жизни морпех, – могли бы вообще по-наглому, сквозь водные ворота прошмыгнуть. Поднырнул под цепь и уже в купеческой гавани, а там еще одни ворота, и уже в военной. Правда, быстро только сказка сказывается, а вот дело... Нет у меня ни одного акваланга, да и сам я не рыба. Поэтому придется с крюками по стеночке. Ничего, кладка там крупная, блоки мощные, найдется, за что зацепиться. Главное шума не поднимать, чтобы не заметили».

Впрочем, поразмыслив, Федор решил-таки использовать вторую бирему. Чайка хотел идти «на дело» тремя отрядами, разделившись человек по восемь-десять. Лучше бы еще меньше, да больно уж дело предстояло масштабное. Он собирался, ни много ни мало, подорвать оборону Карфаге-

на изнутри, а такого еще никому не удавалось. Два отряда должны были глухой ночью высадиться у разных концов стены, прикрывавшей акваторию со стороны близкого берега, и, вскарабкавшись на нее по-тихому, проникнуть в город не побеспокоив стражу. Третий отряд другая бирема доставит на дальний край стены, со стороны моря. В идеале лазутчики должны были прокрасться сквозь все кордоны и вновь встретиться в обозначенном месте, где-нибудь в районе парков Мегары или примыкавших к ним огородов.

«Место встречи изменить нельзя», – ухмыльнулся Федор, в ответ на свои мысли, хотя с конкретной точкой еще не определился. Для встречи диверсантов в обширном Карфагене места было предостаточно, если хорошенько подумать.

Своих спецназовцев Федор собирался переодеть в простых горожан ремесленного сословия, а потому хотел лишить их не только щитов, но еще и панцирей со шлемами, оставив лишь оружие и снаряжение. Конечно, при встрече с противником в открытом бою шансы были невелики, но Федор в глубине души надеялся проскользнуть в город незамеченным, не смотря на все опасности и преграды.

Два следующих дня, не вводя никого в курс дела, Чайка отсматривал бывалых и новобранцев, согнанных по его приказу в отдельный барак. А когда в новом спецподразделении набралось двадцать шесть человек, – почти все низкорослые, как на подбор, словно Летис и Урбал набирали народ для службы на подводной лодке, – Чайка решил, что

ему хватит бойцов и набор прекратил. Большая часть «рекрутов» была ему знакома лично, — «бывалые» ребята, прошедшие всю римскую кампанию. Почти каждого «украшал» шрам или другое увечье. Остальные тоже были не промах, каждый умел что-то делать лучше других: метать ножи, пускать стрелы, бороться в рукопашную и биться на ножах. Умения не лишние для предстоящего дела. Что особенно радовало Федора, все имели неброскую внешность, если, конечно не считать Летиса, которого можно было заметить издалека. Федор даже засомневался в последний момент стоит ли брать его с собой, вдруг кто узнает? Летис постоянно участвовал в стычках с защитниками крепости. Но решил все-таки взять. Летис уже не раз ходил с ним в подобные экспедиции и еще никогда не подводил, а над внешностью можно было поработать.

— Со многими из вас мы прошли большой путь от самого Сагунта, — начал Федор свою речь, прохаживаясь перед строем, когда окончательно определился с составом участников отряда, — остальные недавно воюют под моим началом. Но всем вам будет поручено особое задание, от выполнения которого зависит очень многое... если не все, в предстоящей схватке.

Чайка остановился, скользнув взглядом по лицам своих бойцов. На этих лицах пока читалось лишь недоумение и плохо скрываемый интерес. Все они понимали, что командующий вряд ли стал бы собирать их всех с такой поспеш-

ностью, если бы дело было пустяковым. Но и конечной цели им пока никто не говорил.

– Скоро мы покинем лагерь, – чуть приоткрыл завесу секретности Чайка, – и каждому из вас представиться возможность стать героем. Куда именно мы направляемся, я скажу вам только в день выступления. Это дело секретное. По окончании вас ждет большая награда. Тех, кто вернется, конечно. А пока отдыхайте и тренируйтесь. В ближайшее время вам понадобятся все ваши таланты.

Бойцы озадаченно переглянулись, но уточнять никто не осмелился. Даже Летис, с лица которого не сходило недоумение. Впрочем, Летис привык доверять своему другу и командиру. Остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру. Все равно скоро все узнают. А опасности они не боялись. Ребята подобрались подходящие для лихого дела, это Федор понял сразу.

К вечеру третьего дня все было готово: бойцы, снаряжение и две биремы с экипажами, снятые с боевого дежурства в акватории по личному приказу Федора и готовые выступить в любую минуту. Вечером того же дня Чайку вновь вызвал к себе Гасдрубал.

«И как он узнал, что у меня все готово, – слегка удивлялся Федор, вышагивая на этот раз с эскортом из четырех человек через переполненный лагерь к шатру главнокомандующего, – старался ведь держать все в тайне. Впрочем, не мудрено у семейства Барка повсюду шпионы. А может, просто

интуиция сработала. Какая разница, если действительно пора».

Аудиенция была не долгой. Выслушав план, Гасдрубал одобрил его.

– Пожалуй, море единственный выход в этом случае, если у тебя получится вскарабкаться подобно кошкам на стену города, – кивнул он, слегка поразмыслив, – тем более, что известные нам подземные ходы завалены.

– Здесь есть подземные ходы? – вырвалось у изумленного Чайки.

– Были, – подтвердил Гасдрубал, – но сенаторы не хуже меня осведомлены о них. Поэтому, как только мы стали врагами, ходы засыпали. Они ведь знали, что я могу ими воспользоваться.

«А подземный ход прекрасно решил бы задачу, – слегка расстроился Федор, пораженный неожиданной новостью о самом существовании подземных проходов, – не надо было бы огород со скалолазанием городить. Но, видать, не судьба. Придется опять ощутить себя первым альпинистом».

– Возьми это, – Гасдрубал протянул Федору монету.

Чайка взял из его рук «золотого слона» и, приблизив к неяркому пламени свечи, рассмотрел три ровных зазубрины на краю монеты и одну аккуратно просверленную у самого хобота дырочку. Гасдрубал тем временем развернул подробную карту Карфагена и указал Чайке квартал неподалеку от Бирсы и форума.

– Если... – Гасдрубал слегка поперхнулся и продолжил, – Когда проберешься в Карфаген, разыщешь в квартале у монетного двора особняк менялы по имени Шагар. Покажешь ему это. Он сможет передать мне все, что ты ему сообщишь.

Гасдрубал оторвал взгляд от карты и вперил его в Чайку.

– Ну, а если тебя схватят. Ты не должен выдать сенату, кому и зачем предназначалась монета...

– Меня не схватят, – осмелился перебить его Федор, – во всяком случае, живым. А мертвые не слишком много говорят.

Глава четвертая

«Малая Скифия»

Поймав парусом ветер, «Узунлар» быстро разогнался до приличной скорости. Квинкерема скифов «выдавала» сейчас, по мнению адмирала, все четыре узла, несмотря на незначительные повреждения. Берег приближался, но еще раньше стали различимы неизвестные цели на воде. Ларин вглядывался в их очертания своим орлиным взором, стараясь поскорее понять, к чему готовиться, – то ли к новому сражению, то ли просто к дружеской встрече. После десяти минут наблюдений, за которые «Узунлар» еще ближе подошел к берегу, Ларин понял, что придется делать и то и другое. Дальняя от него группа кораблей, что держалась вместе, была явно скифской. Пять потрепанных триер и две квинкеремы. Адмирал узнал свои корабли издалека, едва их очертания приобрели четкий вид.

– Ну, хвала Тамимасадасу, кое-кто выжил, – воздел руки к нему Ларин, – уже хорошо. А это еще что за гости тут нарисовались?

Последние слова относились к двум триерам, безвольно болтавшимся рядом на волнах гораздо ближе скифских кораблей. Это явно были греки.

– Ну, две триеры, это можно сказать, никого! – радостно

хлопнул себя по коленям адмирал, и весло подмигнул капитану, – а, Темир?

К пущей радости Ларина триера была, по сути одна. Поскольку вторая, как вскоре выяснилось, имела несколько пробоин и медленно погружалась в море, находясь сейчас в полупритопленном состоянии. Ее палуба то и дело скрывалась под водой, оставляя на поверхности край борта и обломок мачты, нелепо смотревшийся со стороны. Людей на этом обломке кораблекрушения уже не было. Они либо утонули, либо перебрались на соседний корабль, который, впрочем, тоже не казался перенаселенным. Однако, увидев приближавшийся на полном ходу «Узунлар», греки, которым посчастливилось после шторма оказаться посреди врагов, засуетились. Корабль был пока недвижим. Обломки весел торчали из портов. Как смог рассмотреть Ларин, едва ли треть длинных весел находилась в порядке. С таким количеством еще можно было передвигаться по спокойной воде в час по чайной ложке, но о боевом маневрировании не было и речи. На глазах скифского адмирала греки попытались поднять парус, но, когда их единственная мачта с треском переломилась после первого же порыва ветра, надежда избежать невыгодного сражения пропала навсегда. Афиняне, а это были они, похватали оружие и стали готовиться к обороне.

– Последний бой, – оценил эти приготовления адмирал, пересчитав немногочисленных гоплитов на палубе триеры, и добавил, словно размышляя вслух, – небось, на легкую по-

беду рассчитывали, когда сюда направлялись такой армадой. Ну, сейчас я вам покажу, что такое воевать против Лехи Ларина. Навсегда запомните и еще Посейдону своему расскажете.

Он бросил короткий взгляд на Темира и приказал:

– Идем на таран.

А когда квинкерема перешла на весельный ход, добавил, обращаясь уже к командиру морпехов, который выстраивал своих солдат в центре палубы корабля.

– До тех пор, пока триера уйдет на дно, вы должны успеть перебить всех гоплитов и захватить мне парочку пленных. Хочу побеседовать с ними, прежде чем отправить на корм рыбам.

Бородач в панцире кивнул.

– Будет сделано.

Бой оказался очень коротким. «Узунлар» на полном ходу протаранил борт «плавучей мишени», которая даже не пыталась уйти от столкновения. От мощного удара триера греков, почти разломилась на две половины, – через ее палубу прошла широкая трещина, которая с каждым мгновением все увеличивалась в размерах. Вот-вот корабль должен был окончательно развалиться. Сквозь змеившуюся трещину, адмирал даже заметил гребцов на нижних палубах, где поднялась невообразимая паника.

– Хорошо же вас потрепал Посейдон, – заметил на это Ларин, – даже повоевать толком не придется.

После тарана добрый десяток гоплитов, перелетев через ограждения, оказался в воде.

– А ну, быстрее! – приказал своим морпехам Ларин, очень желавший узнать последние новости «их первых уст», – захватите мне пленников!

Закрепив несколько крюков, скифские морпехи спустились на палубу тонущего судна, где завязалась скоротечная драка. Они быстро уничтожили почти все сопротивление на корме, но на носу триеры горстка оставшихся в живых гоплитов защищалась ожесточенно и смогла унести с собой в пучину жизни почти дюжины скифов. Однако, вскоре сражение неожиданно закончилось. Израненный корабль испустил из своего чрева громкий треск и развалился на две половины. Корма и нос резко пошли вверх, а все, кто был на палубе, рухнули в воду. И греки и скифы. Лишь немногим десантникам удалось спастись, ухватившись за свисавшие веревки. Но адмирал все же получил своих пленников, которых, благодаря предусмотрительности командира морпехов уже переправили на палубу «Узунлара». Сам он был среди тех, кто взобрался на нее по веревкам, когда под ногами было лишь море. Еще троих удалось выловить из воды, остальные погибли.

Ларин, расстроенный неожиданными потерями, приблизился к двум израненным гоплитам, накрепко привязанным веревками к основанию мачты.

– Ну, посланцы Афины, – заявил адмирал, впериw в них

тяжелый взгляд, — вы еще живы только потому, что мне нужны ответы. Поговорим.

Оба гоплита смотрели на него исподлобья, молча хмурия черные кустистые брови, но страха в их глазах пока было не видно. Ларин же, медленно изучавший их богатые доспехи, залитые скифской кровью, проверял свое чутье. Он знал, чтобы заговорил один, второго можно было пустить в расход немедленно. Нужно было лишь выбрать того, кто заговорит и не ошибиться. Кроме того, Леха по понятным причинам очень не любил разговаривать по-гречески. Адмиралу даже приходилось напрягать сейчас свою память, чтобы задавать вопросы. Но Каранадис погиб, а других доверенных толмачей у него под рукой сейчас не было.

— Итак, — процедил сквозь зубы Леха, для начала разговора, пнув ногой одного из них, — сколько кораблей и откуда пришло к Одессу?

Оба пленника молчали, упрямо опустив головы.

— У меня не так много времени, чтобы ждать, пока вы одумаетесь... — философски заметил на это адмирал и жестом указал командиру морпехов на одного из пленников, — отправьте-ка этого вояку вслед за остальными. Он не ценит мое расположение...

Два вооруженных боевыми топорами скифа в кольчугах отвязали одного из гоплитов и потащили его к борту. Поняв, что с ним хотят сделать, грек попытался вырваться, освободил руку и ударил одного из своих конвоиров. Но второй

успел «приголубить» его топориком по голове, раскроив череп. Мертвый грек рухнул на палубу, издав громкий стон. Второй пленник, не отрываясь, смотрел на происходящее, ерзая в своих путах. После этого конвоиры, ничуть не смутившись, закончили выполнение приказа. Они подтащили уже бездыханное тело к борту, подняли и сбросили в воду.

– Ну? – поинтересовался Ларин, когда все было закончено, – ты скажешь мне кто вы и откуда? Рано или поздно я все равно узнаю все, что мне нужно, но это может облегчить твои страдания.

– Я Остис, афинский гоплит, – нехотя пробормотал грек, подняв на Ларина глаза, в которых появилось желание жить.

– Сколько кораблей пришло сюда из Афин? – ухмыльнулся Леха, удовлетворенный тем, что разговор все-таки завязался.

– Я служу на триере, – буркнул в ответ Остис, – в нашем отряде было почти семьдесят кораблей.

– А квинкерем? – уточнил Ларин, щурясь на солнце и с радостью разглядывая пустынный горизонт со стороны Одесса, – ведь они тоже были в вашем флоте?

Гоплит замолчал, но перехватив короткий взгляд, брошенный адмиралом скифов в сторону командира своих морпехов, заставил его думать быстрее.

– Точно не знаю, – выдавил он, наконец, – С нами были еще фиванцы.

– О своих-то ты знаешь, – скорее заявил, чем спросил Ле-

ха, вновь обращая взгляд на пленника, и немного поторопил его, – Ну?

– Афинских было штук двадцать... – все больше теряя волю, ответил гоплит, – и фиванских еще почти столько же. Точно не знаю.

– Уже что-то, – почти добродушно усмехнулся адмирал, скрещивая руки на груди и делая несколько шагов перед пленником в задумчивости, – хорошо же вам заплатили римляне, раз вы собрали такую армаду и отправились воевать так далеко. Жадность, как говорится...

Он замолчал, не договорив, и вновь посмотрел на пленника. Грек молчал, ожидая своей участи.

– Про спартанцев не спрашиваю, – смиловился Леха, – знаю, вы с ними не дружите. Да и по морю, они не ходят. Расскажи лучше, что стало с греческими кораблями после шторма?

Грек поднял изумленные глаза на адмирала скифов, но Леха предупредил его ответ.

– Я знаю, что ты не бог и не прорицатель. Расскажи, что сам видел.

– Наш передовой отряд из тридцати триер пытался перехватить ваши корабли у самого берега, – начал грек, – остальные шли позади.

– А, так ты, значит, из авангарда этой флотилии, – пробормотал довольный Ларин себе под нос, – прекрасно, продолжай.

– Но, ветер помешал нам догнать скифские корабли и навязать им бой до темноты, – ответил грек, – да еще этот шторм, разыгравшийся так не вовремя.

– Кому как, – вставил слово Леха, настроение которого улучшалось с каждой минутой.

– Когда вы завершили окружение, уже смеркалось, – продолжал разговаривавший грек, – и сражение я видел не все. Наша триера атаковала одну из ваших и... пустила ее на дно. Пока мы дрались, мимо прошло несколько скифских кораблей. Один из них, кажется, квинкерема, повредил несколько афинских судов, но тоже был остановлен и захвачен.

– Захвачен? – напрягся Ларин, – ты помнишь его название?

– Нет, было уже темно. Что стало с другими судами скифов, я не знаю.

– Ты мне лучше скажи, – направил его мысль в нужное русло адмирал, – что стало с вашими кораблями.

Гоплит тряхнул головой, на которой запеклась чья-то кровь, слепив волосы, словно пытался вспомнить.

– Пока шторм входил в силу, большинство триер попыталось отойти к берегу, – наконец заговорил он вновь, и в его глазах Леха увидел ужас пережитого за эту ночь, – все равно было уже ничего не видеть и навархи прекратили бой. Но, ураган помешал этому. На моих глазах перевернулось почти половина кораблей из нашего отряда, и многие греки отправились на встречу с Посейдоном, который отчего-то прогно-

вался на нас.

Посмотрев на адмирала, нависавшего над ним, словно статуя морского бога, он добавил:

– К тому моменту афинские квинкеремы приблизились к нам, чтобы помочь окончательно разбить ваши силы, но им это не удалось. Несколько из них столкнулось друг с другом, некоторые опрокинул ветер, а остальные пропали во тьме. Больше я ничего не видел. Нас носило всю ночь, мы чудом спаслись вместе с другой триерой, оказавшейся рядом. Но... тут показались вы.

– Ну, что же, – кивнул довольный Ларин, – если все так, как ты говоришь, то ты принес хорошие вести. Ваш флот, если не уничтожен ураганом, то потрепан основательно. Поэтому я тебя не убью.

На лице гоплита против воли промелькнула радость.

– Но, мои люди не поймут меня, если я доставлю тебя на берег, – поспешил успокоить его Леха, почесывая броду, – поэтому, я отправлю тебя обратно в море. Там плавают еще много обломков и, если твой Посейдон пощадит тебя, ты останешься жить. Но, договариваться тебе придется с ним самому.

И, не обращая внимания на вопли пленника, которого уже отвязывали от мачты, чтобы выбросить за борт, Ларин приказал капитану:

– Темир, идем к берегу. Нужно посмотреть, кто из моих солдат уцелел.

Когда они приблизились к группе кораблей, радости находившихся на них скифов не было предела, – они узнали корабль своего адмирала, огласив море криками. «Узунлар» опять лег в дрейф. Быстро проведя осмотр и заслушав доклады о повреждениях, которые позволяли двигаться дальше, адмирал пришел в еще лучшее расположение духа. Как минимум треть его флота находилась на плаву, а груз в трюмах также пребывал в целостности и сохранности. После вчерашнего сражения и пережитого шторма это было настоящей удачей.

Пока Ларин был занят этим, к нему явился Темир с докладом. Оказалось, что капитан флагмана опознал местные берега, – они находились неподалеку от гавани Том.

– Говоришь, уже близко? – поднял голову адмирал, сидевший за длинным столом в окружении других капитанов и офицеров. Он устроил совет прямо на корме своего корабля, – интересно, кто там сейчас хозяйничает. Все еще греки или уже мы?

Вопрос остался без ответа. Да Леха его и не ждал от Темира, не посвященного во все детали налета на Одесс. Ларин вспомнил о своем задании Токсару, который должен был усиленно штурмовать город и гавань, полную кораблей. Когда они проплывали той ночью мимо Том, город и гавань уже горели.

«Начало было впечатляющим, – подумал про себя Леха, решая, куда направить свой вновь обретенный флот, – Возможно, Токсар уже взял город. А если нет, то наверняка по-

жег корабли. Не зря же я ему катапульту Архимеда оставил».

– Идем в Томы, – решил он, после недолгих размышлений.

«Надо глянуть, что там происходит, – оправдал он свои действия, вспомнив о приказе царя немедленно двигаться в Крым, – я же отвечаю за эту армию. А, Токсар, скорее всего, еще и не знает о нависшей над ним угрозе. Все равно мне придется плыть в Крым. Если жив, заберу его с собой, такой помощник мне и там пригодиться. Дела там закрутились серьезные. Ну, а дельту Истра охранять придется Аргиму, если царь никого еще не назначил, пока я был в отлучке».

За следующие полдня они беспрепятственно проделали большой путь, не встретив ни одного греческого корабля, словно вся эта армада сгинула в морской пучине. Наступившая ночь нового шторма не принесла, и вскоре они действительно оказались у гавани города, некогда считавшегося неприступным. Ларин стал узнавать побережье, как ни крути, уже второй раз здесь проплывал. За это время его флотилия неожиданным образом увеличилась. На рассвете к ним пристало еще два потрепанных судна. Оба были триерами из его отряда, частями все же сумевшего прорваться сквозь греческие кордоны и продолжавшими путь без своего командования в обратном направлении. Почти у самых Том они воссоединились с основной эскадрой. «Боги за нас, – ликовал скифский адмирал, получивший доклад о почти полной боеспособности обеих триер и сохранности груза, – не так

страшны греки, как их малюют!».

Когда до гавани Том оставалось уже совсем немного, – это случилось ближе к вечеру, – Ларин приказал миновать город на приличном расстоянии. Хотел убедиться, что обугленные развалины стен, которые он лицезрел с борта своего корабля, не таят в себе греческих солдат и что встречать его не выйдет восставший из пепла флот. Однако, предосторожности оказались напрасны. Когда он уже почти миновал город, его эскадру заметили и вышли встречать, но не греки, а две скифских биремы, увидев которые, адмирал дал приказ остановиться и лечь в дрейф.

– Токсар просит узнать, – заявил ему поднявшийся на борт гонец, широкоплечий воин в кольчуге и блестящем шлеме, – почему адмирал решил идти сразу в Истр и просит его посетить Тома, захваченные по его приказу.

– Так значит, неприступные Тома захвачены? – делано удивился адмирал, словно и не было такого приказа, – Великолепно. А что с греческим флотом, хоронившимся в укрепленной гавани?

– Стена разрушена, – с гордостью доложил боец, принесший радостную весть, – почти все корабли сожжены.

– Почти? – против воли озадачился Леха, которого должна была обрадовать такая весть. Он просто вспомнил о своих потерях и о том, что предстоит еще воевать с остатками греческой флотилии здесь, не говоря уже о вояже в Крым, где ждали боспорские греки со своими боевыми судами.

– Часть сожгли мы во время штурма, – доложил гонец, махнув рукой в сторону полуразрушенной стены, что защищала гавань с моря, – а остальные подожгли сами греки, чтобы нам не досталось. Но, несколько нам все же удалось захватить.

– Сколько и каких кораблей вы захватили? – обрадовался адмирал, сделав шаг навстречу гонцу, что жался у борта квинкеремы, с тех пор, как поднялся на палубу.

Тот пожал плечами.

– Я был в осадной команде города, – проговорил он, – штурмовал стену на земле. А в кораблях я не сильно разбираюсь. Сам их не видел и не считал. Знаю только, что несколько удалось отбить прежде, чем их подпалили.

– Ну, ладно, – сменил, возникший было гнев на милость, адмирал, – тогда плыви обратно, обрадуй Токсара. Мы следом. Где он, кстати, обосновался?

– В городе, – опять махнул рукой скиф, – там, где главная крепость.

– В цитадели, значит, – понял Леха, – а где Аргим?

Скиф опять пожал плечами.

– Говорят, стоит под городом со своими всадниками. Вчера еще был там. Но, где он сегодня, я не знаю. Служу при Токсаре.

Леха кивнул, едва сдержав улыбку. С тех пор, как у скифов появился флот и артиллерия, далеко не все бывшие кочевники управлялись с седлом и лошадью так же хорошо,

как и раньше. Появилась масса новых профессий. Кому-то пришлось стать моряком, кому-то артиллеристом, кому-то морским пехотинцем. «На все воля Иллур, – решил Леха, – на то он и царь».

Провожая взглядом гонца, спустившегося на свою бирему, которая тотчас отчалила в направлении гавани, Ларин вспомнил о приказе царя, предписывавшем ему безо всяких задержек плыть в сторону Крыма. Он же только и делал, что где-то задерживался. Впрочем, адмирал был вынужден признать, не все зависело от воли Иллур. Греческий флот, вставший у него на пути, на эту волю, например, внимания не обращал, а с ним приходилось считаться. Однако послушавшись Иллур один раз в Одессе, Леха не собирался дожидаться в Томах второго нападения армады греков и хотел ее покинуть как можно раньше.

«Сухопутных сил здесь достаточно, как-нибудь отобьются, – думал адмирал, пока его корабли приближались к гавани вслед за биремами сопровождения. Разглядывая окрестности захваченного города, он с удовольствием заметил на берегу чуть правее гавани массу шатров скифской конницы и царившее между них оживление, – А вот и Аргим. Великолепно. Будет, кому спартанцев встретить, когда сюда доберутся. Жаль, мне не привелось».

Все корабли адмирала Ларина, миновав опущенную цепь, вошли внутрь и пришвартовались к пирсу, чудом сохранившемуся в гавани, выглядевшей как остывшее костровище.

Таким же чудом смотрелись пять целехоньких триер и квинкерема, возвышавшиеся чуть дальше. На мостках в сопровождении отряда вооруженных скифов, их поджидал уже и сам «военный комендант» захваченных Том, ничуть не зазнавшийся от одержанных побед и с радостью обнявший возвратившегося начальника.

– Ну, я смотрю, ты тут славно повоевал, – похвалил Леха, своего помощника, – можно тебе лихие дела доверять, я не ошибся.

– Мы взяли город, – доложил Токсар, жестом предлагая адмиралу осмотреть все самому, – помогла катапульта Архимеда. Я такой пожар тут разжег с ее помощью, что греки не выдержали и сдались.

– Сдались? – не поверил своими ушами Ларин, поднимаясь в окружении охранников по вновь отстроенным мосткам из гавани в крепость вслед за Токсаром, – неужели, сдались?

– Не без боя, конечно, – продолжал докладывать бородач, – стены у них были крепкие. Едва одолели. Но, после того как мы взорвали наружную стену и туда проникла конница Аргима, город был окружен. Спротивлялся отчаянно несколько дней, но пожар сделал свое дело. Помощи им было ждать неоткуда, и они открыли ворота, когда дым повалил из всех щелей. Это случилось буквально вчера к вечеру. Ветер дул сильный, пожар раздуло быстро.

– Насчет помощи, это ты ошибаешься, – «успокоил» его адмирал, разглядывая морской горизонт, когда они уже под-

нялись на одну из томских башен, — она вот-вот подойдет. А могла бы и вчера появиться, если бы не тот самый ветер.

Токсар ждал продолжения молча, удивленный заявлением адмирала.

— Я сам еле ноги унес, — просто ответил Леха, немного успокоенный, что на горизонте пока было чисто. И добавил, заметив на лице верного Токсара недоумение, — к Одессу подошла морская флотилия афинян и фиванцев. А по суше еще и спартанцы. Так что недавний шторм был для меня спасением. Да и тебе, я смотрю, помог запалить город. Я же едва вырвался из окружения с горсткой кораблей, половину потерял в бою и во время бури.

Ларин помолчал, изучая лицо помощника, словно видел его впервые.

— Одна радость, этот шторм разметал корабли афинян и потопил немало. Если утонула хотя бы половина из них, то уже нам будет гораздо легче.

— А много их пришло? — озадачился Токсар от такой пламенной речи командира, — значит, надо срочно готовиться к отражению атаки с моря?

— Много, больше сотни, — не таясь, ответил Ларин на первый вопрос.

Токсар едва не присвистнул.

— Если так, то нам немедленно надо укреплять гавань и стены.

— Мысль верная, — не стал отговаривать его адмирал, — но,

есть еще кое-что. Давно Иллур ушел отсюда?

– Уже несколько дней, как ускакал, – ответил Токсар, с опаской поглядывая на море, от которого теперь исходила реальная угроза, – скоро в Крыму будет.

Сообщение о спартанцах он оставил без внимания, словно их и не было.

– Какие приказы отдал?

– Он встречался с Аргимом, приказал ему взять всю оборону на себя, а мне велел лишь отправить гонца в Одесс и дожидаться вашего возвращения. Что я и сделал. Город тогда еще не пал.

– Понятно, – кивнул Ларин, прохаживаясь вдоль стены, – похоже, судьба Том его не сильно волновала. Да оно и понятно.

– А что, еще что-то случилось? – догадался по тону своего командира Токсар.

Ларин вздохнул.

– Случилось. Да еще как. Сарматы нас предали. В Крыму война. Тем письмом царь вызвал меня обратно в Крым, Так что и я задерживаться здесь не намерен. Да и твою судьбу он, похоже, предвидел. Прозорливый у нас царь.

Леха сделал еще несколько шагов вдоль стены, провел пальцами по шершавой кромке камня и добавил.

– Ну, что смотришь. Пойдем, Аргима навестим, раз он тут теперь главный. Остальное по дороге расскажу.

Ларин и Токсар спустились по каменной лестнице во

внутренний двор, сели на приготовленных для них коней и покинули цитадель через главные ворота в сопровождении охраны. От этих, некогда массивных и надежных ворот, теперь оставались только внешние балки. Вся же центральная часть была начисто вынесена каким-то мощным тараном.

– Чем пользовался? – поинтересовался Ларин, разглядывая тотальные разрушения, и попробовал угадать, – катапульта?

– Она, – кивнул Токсар, – оружие превосходное. Если бы не эта катапульта, греки бы до сих пор сопротивлялись. Сидели они в городе крепко.

– Молодец, – похвалил Ларин, слегка придерживая лошадь за узду, чтобы рассмотреть следы бушевавшего огня, имевшиеся повсюду, – Пожар и, правда, был знатный. Архимеду отдельное спасибо. Поблагодарю, если еще раз доведется увидеть старика.

Миновав не один десяток обгорелых домов местного купечества и несколько амбаров, походивших на скелеты древних чудищ, скифы выехали из города через еще одни полуразрушенные ворота и оказались в поле. Невдалеке виднелся лагерь Аргима, который по привычке предпочитал жить в юрте и каменный городской уют не уважал, предпочитая ему простор.

– Городишко подлатать придется, – подумал вслух Ларин, – иначе его не удержать. А еще ведь Истр и вся дельта реки... да, солдат надо много.

У входа в лагерь их попыталась остановить охрана, но признав адмирала, пропустила к юрте главнокомандующего «первой конной». Аргим как раз трапезничал в одиночестве, обгладывая ребра кабана, который, – Лехам готов был поклясться, – еще днем бегал в окрестных лесах. Теперь же эта освежеванная и зажаренная на костре тушка, покоилась на огромном подносе в юрте у Аргима. Прямо на ковре.

– Здравствуй, Ал-лэк-сей! – радостно всплеснул руками Аргим и, отложив в сторону мясо, обнял вновь прибывшего, – давно тебя ждем. Садись, отдохни с дороги. Она, знаю, была не легкой. И ты, Токсар, садись.

– Да уж, – усмехнулся Ларин, взяв налитую собственноручно Аргимом чашу с вином, – едва на корм рыбам не ушел, вместе со всем флотом.

– Непогода была, – подтвердил Аргим, возвращаясь к трапезе, и отрезая гостям по ломтю сочного мяса, – боги гневались сильно. Но, ты, хвала богам, жив.

– Потому что боги гневались не на нас, – заявил Леха, залпом осушая чашу и наливая себе еще, вино пришлось ему по вкусу, – они гневались на греков, которые встали у нас на пути.

– Ты повстречал... в море... греков? – деловито осведомился Аргим, в перерывах между словами отрывая своими крепкими зубами по огромному куску мяса от ребер.

– Повстречал, – кивнул Ларин, как ни в чем не бывало, тоже продолжая есть, – и скоро они будут здесь, так что тебе

придется их встретить достойно. А их не мало.

Аргим даже ненадолго прекратил жевать, услышав новость.

– С тобой мы всех греков отобьем, Ал-лэк-сей! – проговорил он, еще не до конца поняв, к чему клонит Ларин.

– Наш царь ведь был здесь? – на всякий случай поинтересовался адмирал, словно не был в этом до конца уверен.

Озадаченный конник кивнул.

– Приказал тебе принять командование надо всем войском? – продолжал напускать туману Ларин, дожевывая мясо.

Аргим вновь кивнул.

– А что еще он тебе сообщил?

– Вот ты о чем, – догадался, наконец, скиф, – об этих предателях сарматах, что напали на Крым?

– Именно, – похвалил его за догадливость Ларин, – тебе он приказал охранять побережье, а мне плыть в Крым со всем флотом.

– Как? – не поверил своим ушам Аргим, хотя и понимал, что Ларин не врет и не шутит, – а как же мне без тебя обороняться с моря? Ведь ты говорил, греков много идет.

– Много, – подтвердил Леха, ухмыльнувшись, – До шторма было не меньше сотни кораблей. Но боги, кажется, наполовину умерили их пыл.

Аргим посчитал что-то в уме и покачал бородой.

– Все равно немало осталось.

– Оно понятно, – не стал спорить Ларин, – не мало. Я вообще чудом прорвался сквозь их триеры. Однако, сам знаешь, приказ царя это закон.

Ларин доел мясо, выпил еще чашу вина, изрядно захмелев, и продолжал держать речь на стихийно образовавшемся военном совете. От нахлынувших чувств, он стал широко размахивать руками, то и дело, задевая полог юрты.

– Ты уж извини, Аргим, – заявил адмирал, – но, кораблей я тебе оставить не могу. Итак, потерял половину после набега на Одесс.

Аргим молчал, ожидая, чем еще его порадует Ал-лэк-сей.

– Кроме того, и те заберу, что вы сами захватили. А потом в Истр наведуясь. Туда гонцов послать надо не медля, прямо сейчас, времени мало.

– Мое дело, конечно, степь, – заявил на это Аргим, вытирая руки о штаны, – на земле я отобьюсь от любого врага. Но наступать дальше будет трудно. А без кораблей вообще никак.

– Наступать? – удивился оптимизму главного конника Ле-ха, – да пусть боги пошлют тебе столько сил, чтобы ты мог остановить их и задержать на рубеже реки. По суше сюда идут спартанцы и фиванцы. Конницы я не видел, так что, скорее всего, только пехота.

– Я должен оставить без боя Тома и даже Истр? – не поверил своим ушам Аргим.

– Нет, я этого не говорил, – успокоил его Ларин, – и ниче-

го такого приказывать тебе уже не могу. Бейся, как знаешь, хоть в поле, хоть в крепостях сиди. Главное устье реки не отдавай грекам и продержись до тех пор, пока мы с Иллу-ром не разделаемся с этими предателями сарматами. Пока не выгоним их из Крыма и время не появится, вновь здесь очутиться.

Но, несмотря на заверения скифского адмирала о быстрой победе над врагами, по лицу Аргима было ясно, он уверен, – это будет «долгая песня». У степняка быстро поубавилось оптимизма. Впрочем, ненадолго. Выпитое вино сделало свое дело, и вскоре он опять пришел в нужное состояние.

– Ай, Ал-лэк-сей, – заявил он, хлопнув также изрядно принявшего на грудь адмирала по плечу, – Пусть хоть все греки сюда приплывут, всех прогоню обратно или здесь же и останутся!

– Вот эти слова я рад слышать! – приобнял он скифа в свою очередь, – узнаю храброго Аргима. Я сообщу царю, какой ты сильный воин. Да, впрочем, он и сам знает.

Когда сильно захмелевшая троица, откинув полог юрты, показалась на свежем воздухе, уже опускались сумерки. Ларина очень тянуло расслабиться, но подсознательный страх, что греки могут появиться в любой момент и тогда он точно не доплывет до Крыма, заставил его соображать лучше, чем он, казалось, был сейчас способен.

– Аргим, – проговорил он, разглядывая закат над морем, отлично различимый с этого места, – отправь гонца в Истр,

пусть готовят флот к выходу. Завтра утром я буду там.

– Послушай, Ал-лэк-сей, – попросил вдруг Аргим таким голосом, что адмирал просто не смог ему отказать, – оставь мне хотя бы несколько кораблей?

– Ладно, – кивнул тяжелой головой адмирал, – забирай те, что вы захватили. Гребцов сам наберешь. Но корабли, что стоят в гавани Истра, извини, возьму с собой. В Крыму тоже будет битва.

Глава пятая

«Скалолазы»

Неожиданный порыв ветра бросил бирему с волны на волну. От удара, такого гулко, словно корабль ударился о скалу, несколько человек повалилось на палубу, а двое едва не вылетели за борт. Сильно накренившись бирема зачерпнула бортом соленой воды, но, все же выровнялась и небольшой кораблик ходко пошел дальше, пробираясь сквозь ночной мрак к своей цели.

– Держаться крепче, – приказал Федор, оглядев свое суденышко, наполненное бойцами двух отрядов и гребцами, – недолго осталось.

Ночь выдалась на редкость подходящей для подобного предприятия. Море начинало пениться, предвещая шторм, но пока еще было почти спокойным. Половину луны надежно укрывала настолько плотная мгла, что Федор уже не мог различить на воде второй корабль, приземистый силуэт которого отделился от них буквально пять минут назад. На той биреме находился отряд из десяти человек под командой Ксенбала, – опытного бойца, покорявшего вместе с Чайкой и Летисом васконов. Его целью была дальняя оконечность «морской» стены. Бойцам Ксенбала предстояло высадиться там, где тянулись внешние торговые пирсы, опустевшие с на-

чалом войны. Никаких других кораблей в эту ночь согласно тайному приказу Гасдрубала в прилегавшей акватории не было.

На биреме Федора разместилось два отряда – еще одного «бывалого» бойца по имени Урад и отряд самого Чайки, в каждом было по восемь человек. Себе Федор, ясное дело, отобрал самых лучших. Под его началом служили только самые опытные и толковые «скалолазы», обвешанные сейчас веревками с крюками и готовые в любой момент прыгнуть на отвесную стену, прицепившись к ней мертвой хваткой, словно настоящие пауки. Из снаряжения взяли только крюки, короткие мечи (любимые фалькаты пришлось оставить, – слишком тяжелы) и кинжалы. Зато последних имелось у каждого в избытке, по два или три на брата. Лишь у одного имелся короткий лук, да и то на всякий случай. Пока стену не одолеют. Взяли также несколько узких веревочных лестниц.

Все были одеты словно обычные ремесленники: туники, простые темные хитоны, крепкие сандалии. Только широкие кожаные ремни, перехватывавшие грудь, пояс и лодыжки немного смазывали общую картину. А также металлическое кольцо на груди, сквозь которое был продет грубо сработанный кузнецами по заданию Федора «крюк-карабин» и короткий деревянный молоток для забивания кольев, накрепко привязанный к поясу. Но в целом: встретишь такого в толпе и, ни за что не узнаешь, что перед тобой солдат

армии Ганибалла. Так, обычный мастер своего дела. Кожевник или гончар, а может оружейных дел мастер. Одним словом, – ремесленник. Даже Летиса приодели. В широком зеленом балахоне, перехваченном ремнями, и невысоком колпаке, он был похож на гнома-переростка, склонного к занятиям благородной торговлей. Понятное дело погрузка на корабли также прошла тайно, в полной темноте и подальше от любопытных глаз, – на самом отдаленном пирсе.

Время шло. Неразличимая на морской глади бирема краслась к видневшейся впереди на фоне темного неба громаде, – неприступной стене Карфагена. Защитники города упрощали задачу Федору, время от времени пуская зажигательные стрелы вдоль стены, чтобы хоть ненадолго осветить ее. Кое-где с моря были видны мерцающие огоньки, – это горели жаровни, у которых грелись воины. С неба вскоре начал накрапывать дождик, к счастью мелкий и не слишком упорный. Он, то окатывал «спецназовцев» слабыми каплями, то вовсе прекращался.

– Накройте горшки получше! – приказал Чайка. Кроме дождя, то и дело волны перехлестывали через борт, не оставляя шансов «ремесленникам» добраться до цели сухими.

Федор, стоя на носу утлого суденышка, смотрел вперед на выставшую в размерах стену, и размышлял о своих шансах подняться на эту громадину. Шансы были небольшие, но были. Тем более, что отступать все равно уже было поздно. Он либо поднимется на эту стену, либо здесь же и останется.

Перед выступлением Федор внимательно изучал чертежи укреплений Карфагена, доставленные ему от самого Гасдрубала, и пришел к выводу, что отряд Урада он высадит у древней разбитой пристани, построенной едва ли не во времена царицы Элиссы. Пристань уже давно не использовалась и представляла собой остатки каменной ступеньки у подножия стены, разрушенной людьми. Все деревянные надстройки были с нее сняты, а проход внутрь сквозь толщу стены заложен камнями. Собственно, снаружи осталось только метров десять камня, обглоданного водой и ветрами. Не бог весть что, но для людей, возжелавших посреди ночи тайно пробраться в закрытый город, хотя бы есть за что зацепиться и откуда начать свое восхождение. Да и находились эти обломки довольно близко к берегу, занятому войсками Гасдрубала. Отсюда Федор и решил начать высадку десанта.

– Отряду Урада приготовиться, – приказал он, когда бирема на веслах неслышно подобралась почти к самым стенам.

Чайка, впрочем, как и все остальные, напряжено вглядывался то в приближавшуюся громаду стены, то посматривал вверх, где изредка чертили небо «осветительные ракеты». К счастью усилившийся дождь, ветер и темнота делали свое дело. Стрелы гасли, пролетев едва ли половину расстояния.

– Вот она, – первым обломки древней пристани заметил Летис, указав на камни, показавшиеся из темноты в опасной близости от корабля.

– Вперед, – коротко скомандовал Федор, – горшок не за-

будьте.

Урад молча кивнул и, закинув наглухо запечатанный горшок в специальной кожаной обвязке себе за спину, первым спрыгнул на мокрые камни.

Все действия, время и место встречи, были оговорены заранее. Еще на берегу. Когда бойцы, наконец, узнали, что им предстоит путешествие не в далекую Нумидию, а, более близкий, но оттого не менее опасный путь, – удивлению не было предела. Однако, осознав, какая задача на них возложена, никто и не вздумал выражать недовольство. Тем более, что солдатам, хоть и наемным, это не разрешалось. Напротив, все были единогодушны и верили, что такой командир, как Федор приведет их к победе и зря на смерть посылать не будет. Тем более, что он сам вел их в бой. Это ощущение окрепло, после того, как Федор распределил задачи.

Людям Урада предстояло выполнить две задачи сразу: пробраться в город и устроить отвлекающий маневр. «Небольшой взрывчик», как называл это Федор про себя. Причем сделать это нужно было в любом случае, даже если все пройдет гладко. Пороха у него, к сожалению, не имелось. Зато были зажигательные горшки для баллист. Командирам двух групп было дано задние, – устроить небольшой пожар, чтобы отвлечь внимание стражников, сбив их с толку. Враг не должен был точно знать, сколько групп прорвалось в город. Федор приказал взять с собой по одному горшку всем отрядам, но сам намеревался пустить его в ход только в слу-

чае каких-либо проблем. Люди же Урада и Ксенбала рисковали собой, в том числе для того, чтобы отряд командующего западным фронтом под шумок наверняка пробрался в город.

Чтобы как-то компенсировать этот риск, Федор выбрал для себя самое трудное, – высадиться, практически, на самую стену с корабля. Никаких внешних пристаней на данном участке больше не имелось. Поэтому и набрал себе «бывалых альпинистов».

Один за другим, бойцы Урада покинули бирему, растворившись в ночи, словно черные кошки. Когда последний солдат в облачении ремесленника спрыгнул с качавшегося борта биремы на мокрые камни и чудом удержался на них, поскользнувшись и едва не рухнув в море, Федор махнул рукой, дав знак стоявшему в трех шагах капитану:

– Отчаливаем.

Бирема, заработав веслами с одного борта, тотчас пришла в движение и отделилась от разрушенного временем пирса, оставив десантников наедине со стихией и каменной стеной. Несмотря на кромешный мрак, Чайке показалось, что несколько человек уже карабкались по стене, осторожно вбивая в нее клинья и цепляясь за них крюками.

Пока они плыли положенное расстояние вдоль стены, едва не цепляясь за нее бортом, Федор видел несколько зажигаемых стрел, прочертивших небо над головой. Как и полагалось, они быстро погасли. Дождь шел уже достаточно сильный, а море слегка штормило. Погода делала свое дело, иг-

рая на руку диверсантам Гасдрубала.

– Еще рано, возьми чуть правее, – приказал он капитану, когда очередная волна едва не кинула их на стену, обдав брызгами.

Вконец промокший Летис громко выругался, позабыв об осторожности.

– Что за погода! Боги позабыли о нас, Федор. Почему? Разве мы не принесли хорошую жертву?

– Не гневи богов, – успокоил друга Чайка, вглядываясь во мрак и пытаясь разглядеть намеченное для высадки место, – погода отличная. Именно такая нам и нужна. Дождь, шум прибоя и мрак.

Он посмотрел на недовольного товарища и добавил.

– Если бы светла луна и стояла тихая ночь, на нас бы уже падали горшки с горячей смолой и сотнями сыпались стрелы. А мы давно рассекаем под самым носом у бойцов сената и никто из них пока, хвала богам, не знает об этом. Надеюсь, и дальше так пойдет.

Когда корабль прошел еще сотню метров, Чайка, наконец, определился.

– Сбрось ход и причаливай, – бросил он капитану, – подходи как можно ближе к стене.

Гребцы на веслах ненадолго замерли, затормозив движение небольшого судна, а затем стали аккуратно подводить его к выступавшей прямо из воды стене. Большая часть стен Карфагена находилась на удалении от берега, но на участке

высадки двух первых групп десанта она примыкала к воде. На то и был расчет.

Прибой крепчал, волны раскачивали судно, грозя разбить его в щепки о камень. К счастью, капитан был опытным и дело свое знал. Бирема медленно приблизилась к стене, почти остановившись.

– Начнем, пожалуй, – решил Федор и, махнув рукой, дал сигнал к высадке, пробормотав вполголоса по-русски, – пошли, ребята.

Стена была сложена из мощных каменных блоков, выработанных на каменоломнях, что находились неподалеку от Карфагена. Финикийцы слыли известными каменотесами на всем побережье Обитаемого моря. Глыбы у основания были огромными и почти ровной формы, но при этом время и ветер свое дело сделали, – скрепляющий их раствор повсеместно обсыпался. Поэтому щелей для того чтобы вбить кол и загнать крюк с веревкой, или даже поставить ногу, было предостаточно. Особенно в самом низу.

Поэтому его бойцы, уже имевшие опыт скалолазания, без особого труда закрепились на стене, пока бирема медленно проплывала мимо. Первая тройка просто слилась с мокрым камнем, быстро нащупав в широких щелях опору для своих ног и рук. Вскоре еще трое оказались на стене, и Федор уже приготовился сам покинуть корабль вслед за Летисом, как раздался сдавленный крик. С ним почти слился второй. Сразу двое сорвались в воду.

– А ну табань²! – рявкнул Федор, – человек за бортом.

Капитан тоже был не глухой и не успел Федор договорить свой приказ, как в воду полетели веревки, а бирема сбросила ход. Несмотря на темноту и волнение, они успели быстро выловить обоих бойцов, и даже не разбить бирему о камни. Видеть в темноте Федор уже привык лучше кошки. Из-за нависавшей опасности все его чувства обострились. Казалось, он слышал сейчас сквозь ветер все, что происходило вокруг метров на сто, и видел сквозь мрак примерно также.

– Живы? – коротко уточнил Федор, оглядев промокших до нитки «ремесленников», – ну, тогда быстро на стену, времени нет. Отогреемся, когда окажемся за стеной.

И взглядом указал в направлении препятствия, которое было еще не взято. Оба бойца, переглянувшись, как могли, вытерли руки, чтобы не соскользнуть со второй попытки, и, оттолкнувшись от борта, вновь прилипли к стене. Оба тут же загнали в нее по колу, закрепившись для верности.

Федор выждал еще мгновение, больше никто не обрушился в воду, и сказал смотревшему на него Летису.

– Пора и нам за работу. Давай вперед, а я за тобой.

Здоровяк, давно ждавший, команды нащупал на стене каменную полку и, с кинжалом в руке шагнув во мрак, отделился от корабля. На спине у Летиса была привязана узкая, но прочная веревочная лестница длиной в десяток метров.

² Табанить (морск) – грести веслами в направлении обратном нормальному движению, чтобы быстро затормозить судно.

Федор успел заметить, как его друг вогнал кинжал в щель и второй рукой потянулся выше, нащупывая опору для движения вверх. Не успел силуэт Летиса окончательно исчезнуть во мраке, как Федор, поправив закрепленный на спине горшок с зажигательной смесью, тоже шагнул навстречу судьбе.

Бирема ушла во тьму. Ходившая ходуном палуба под ногами пропала и теперь казалась Чайке просто образцом твердости. Особенно после того, как его правая нога соскользнула с мокрого камня. Но он успел подобно Летису вогнуть короткий и широкий кинжал, – ничего лучше для этих целей не нашлось во время сборов, – в расщелину между камнями и удержался. От этого движения зажигательный горшок качнулся в сторону и звонко ударился о камень. Но, к счастью, не раскололся.

Крепко выругавшись во весь голос, благо шум волн заглушал здесь все звуки, Федор вернул ногу на место. Отдышался, постояв немного на каменной полке и слушая шум прибоя. Затем запрокинул голову, пытаясь рассмотреть край стены, но ничего не увидел. До него еще было, как до луны. Между тем, время неумолимо приближалось к рассвету. Небо пока было затянуто низкими тучам. Но, дождь когда-нибудь кончится. А Федор вовсе не хотел, чтобы первые лучи солнца застали всю его группу где-нибудь на середине стены, сделав отличной мишенью для лучников сената. Чайка предпочитал погибнуть смертью героя, не говоря уже о том, что сейчас даже эта перспектива ему не нравилась.

Ему нужно было не просто избежать смерти, а найти и спасти свою семью. Поэтому Федор усилием воли отогнал мысли о поражении, встряхнулся.

– Ладно, не Монблан и Джомолунгма, взберемся как-нибудь, – пробормотал он, подбадривая себя, осторожно потянулся вверх и стал медленно нащупывать новую расщелину. А когда нащупал, то вогнал в нее кинжал и подтянулся, одновременно отыскав удобный упор для ноги, – и не такие высоты брали.

Не став уточнять, где именно он побеждал стену выше, чем карфагенская, Федор медленно и осторожно прополз по стене вверх несколько метров и здесь дал себе первую небольшую передышку. Осматриваться было еще рано, – все равно ничего не видать, даже Летиса, который карабкался вверх где-то поблизости. Зато нужно было закрепить достигнутый успех, причем в прямом смысле, чтобы не свалиться обратно в воду.

Держась крепко одной рукой с кинжалом и ногами, – пока что Федор продвигался только с помощью лезвия и своей ловкости, – он осторожно вытащил из узкого кармана заранее приготовленный колышек, загнутый на конце. Кол был выкован по его приказу из металла, как и еще несколько десятков таких же, для неизвестных кузнецам целей. Чайка дал им только размеры, а посвящать в детали, понятное дело, не стал. Да те и не спрашивали. Их дело маленькое, – делай, что велено.

Вытащив кол, он засунул его в узкую расщелину меж каменных блоков стены и, подтянув болтавшийся на поясе молоточек, забил как можно глубже. Подергал, хорошо ли забил. Кол не вынимался, засел крепко. Удовлетворенный делами своих рук, Федор сначала надел на него свою единственную веревку с петлей на конце, другой конец которой был закреплен у него на широком кожаном поясе. А потом зацепил за него и «крюк-карабин». Теперь можно было ползти дальше, но даже в том случае, если он сорвется, то пролетит вниз ровно до этого кола и не свалиться в воду. Веревка была прочная, выдержит. Длинной от силы метров пять, так что падать не высоко. Да и слететь с крюка вниз не должна, – загнутый конец помешает. А вот сдернуть ее, если изловчиться, сверху было еще можно.

Успокоившись, Федор решил провести ходовые испытания и, отдохнув немного, рассмотреть Летиса, если повезет, – ему слышались какие-то звуки, похожие на те, что он только что издавал сам. То ли здоровяк сейчас также закреплялся, чтобы не рухнуть в воду, откуда он вряд ли выберется, то ли Федору примерещилось, но толком он ничего не разглядел. Где сейчас находился Летис, выше или ниже чем он, Федор так и не увидел.

«Наверное, ниже, – решил командир отряда, – он, конечно, сильный парень, но не слишком расторопный. Будем надеяться, что все же успеет добраться до самого верха вместе с остальными. Там он нам очень пригодиться».

Подумав так, Чайка осторожно отпустил руки. Сначала одну, без кинжала, а потом и другую, лишь упершись ногами в камень и повиснув на кожаной обвязке. «Крюк-карабин» выдержал. Федор даже расслабил ноги, – ремни на груди больно впились в подмышки. Дождь продолжал моросить, почти не давая согреться, но Чайка был так увлечен процессом, что не обращал на него никакого внимания. Интересное было ощущение: висеть над морем на одном крюке без помощи руки ног. А вдруг сейчас подломиться... или ремень порвется... и лететь тогда вниз... камнем. Но, ремни не порвались, а крюк выдержал.

– Отлично, – выдохнул Федор, вновь с облегчением нащупывая ногами каменный упор, – пора и дальше двигаться. Время не ждет.

И он пополз вверх, вновь вспомнив про Летиса. Физическая сила здесь действительно нужна была не малая. Руки и ноги постоянно напряжены, продвигаться приходилось на ощупь, а отдыхать можно было редко. Да еще этот чертов горшок, постоянно норовил удариться об стену. Но Федор карабкался вверх, словно заправский альпинист, возжелавший пойти на ночное восхождение и к рассвету быть на вершине Эвереста. На спор и без кислорода.

Когда ему удалось преодолеть еще метров семь, он стал замечать слабые мерцающие огни далеко верху. К счастью эти огни, – Чайка был уверен, что это жаровни охранников, – находились довольно далеко справа и слева от того места, где

он хотел преодолеть стену. Честно говоря, он уже чертовски устал и несколько раз едва не сорвался, чудом удержавшись на стене. Появление огней, пусть и означавших опасность, говорило также о том, что стена не бесконечна.

– Еще немного, – подбодрил себя Чайка, вбивая меж камней еще один крюк, и вывешивая свое уставшее тело над морем – и мы на месте. Но сейчас, надо еще чуток отдохнуть. А потом последний рывок на вершину.

Он уже настолько потерял чувство опасности, что откинул голову, и даже поболтал в воздухе ногами в плотно прилежавших сандалиях. Дождь прекратился. Ветер также почти стих. Лишь шум моря продолжал напоминать о том, что внизу существует стихия, так и не разгулявшаяся до урагана. Но, уставшего Федора это долгожданное затишье уже не волновало. Он настолько обессилел, что страх в его душе притушился. И в этот момент раздался сдавленный крик. Кто-то из его людей сорвался со стены и рухнул вниз. Вслед за криком раздался всплеск, ясно сообщивший о том, что боец не прикрепился к стене, как было приказано. Или подвело снаряжение.

– Черт побери, – очнулся Федор, пытаясь разглядеть, что происходит внизу, – говорил же, все проверить перед выходом.

Но горевать было поздно. Помочь своему бойцу он уже ничем не мог. Если тот выплывет, это окажется большим чудом.

Этот случай заставил его вспомнить о том, что он не в одиночку штурмует вражескую цитадель, а командует отрядом. Даже тремя отрядами сразу. И Чайка вновь попытался разыскать глазами Летиса и приблизиться к нему еще до того, как взберется на стену. В этот момент ветер разогнал облака, и в просвет ненадолго показалась луна, осветив Карфаген. К своему удивлению Федор заметил мощную фигуру, карабкавшуюся вверх метрах в четырех выше него. И еще несколько силуэтов дальше по стене, примерно на одном уровне с собой. Насколько Федор смог разглядеть, Летис уже почти добрался до края стены, ему оставалось каких-то три метра. Там он вдруг остановился и завопил со снаряжением. До Чайки вскоре долетел какой-то стук.

«Закрепляется, – подумал он, прислушиваясь к тому, что творится на стенах и к своей радости не услышав ничего особенного, словно сдавленный крик сорвавшегося бойца не достиг ушей охранников, – хотя с такой скоростью мог бы уже и до гребня добраться. Впрочем, молодец, нас поджидает».

И он направился к Летису, выталкивая непослушное тело вверх и в сторону, чтобы сместиться со своей траектории. Перемещаясь таким образом, он едва не сорвался, но забив еще один крюк, и, преодолев несколько метров выщербленной каменной стены с помощью крепкого кинжала, вскоре оказался прямо под ним. К своему удивлению, протянув руку, Федор нащупал веревочную лестницу.

– Летис! – позвал он сдавленным шепотом, боясь, что его уже могут услышать охранники, – Летис!

– А, это ты, – выдохнул Летис, скорее узнав по голосу, чем разглядев под собой друга, – поднимайся. Я прикрепил лестницу.

Федор, не веря своему счастью, сдернул веревку с крюка и, целиком полагаясь на работу друга, быстро преодолел несколько метров, оказавшись рядом с сопевшим от усталости Летисом.

– Да ты просто молодец, – похвалил Федор, покачиваясь на узкой веревке, – вот бы остальные так же быстро поднялись.

– Я уже крикнул соседнему бойцу, чтобы он полз ко мне, – удивил его неожиданной сообразительностью Летис, – когда ты появился, я думал, что это он.

– А кто сорвался? – спросил Федор, поглядывая снизу вверх на расплывчатый силуэт здоровяка.

– Не знаю, – просто ответил тот, – не видно ничего.

– До гребня уже совсем близко, – поделился мыслями Федор, – надо побыстрее добраться туда. Если выйдет закрепить лестницу и втянуть остальных.

– Идем вдвоем? – деловито осведомился Летис.

– Давай подождем хотя бы одного бойца, – решил Федор, после недолгих размышлений, – втроем все же легче. Мало ли что.

Так они висели, молча, минут десять, пока не слышал-

ся лязг кинжала, вгоняемого в щель меж камней. Вскоре рядом показался силуэт уставшего «ремесленника», а, спустя минуту, – Федор не успел толком расспросить своего бойца насчет остальных, – под ним засопел еще один спецназовец.

– Ну, все, – решил Федор, собрав четверых в одном месте, – дальше ждать нельзя. Остальные доберутся как-нибудь сами. Летис поднимайся на стену. Только... тихо.

Летис кивнул. Федор скорее догадался об этом, чем увидел, – вокруг все еще было темно, ведь благоволившая к ним луна, стараниями небесной царицы Таннит, вновь спряталась за облака. Но рассвет приближался. Бойцы находились уже под самым гребнем стены и до чуткого слуха Чайки, сквозь плеск волн, стали долетать и редкие шумы ночного города. Карфаген был осажден и ночью здесь спали далеко не все.

Силуэт здоровяка, закрепившегося на самом верху веревочной лестницы, вскоре исчез из вида. Дав ему не больше минуты, Федор последовал за ним. Еще два бойца также должны были поддержать группу прорыва и обеспечить остальным возможность подняться быстрее.

Легко преодолев по узкой веревочной лестнице метра четыре стены, – по сравнению с тем, как он поднимался до сих пор, это было просто мгновенно, – Федор вновь разглядел Летиса, в тот момент как гигант отделился от стены и перевалился через каменное ограждение. На фоне светлеющего неба он стал ненадолго замечен. Подождав еще секунд два-

дцать, — все было тихо, — Федор вновь «вышел» на стену с кинжалом, поскольку лестница закончилась, но, к своей радости нащупал веревку, заботливо прикрепленную Летисом. «Да здоровяк просто незаменим, — похвалил больше себя, чем своего друга Чайка, — я не зря взял с собой именно его».

И, схватившись за веревку, он вдвое быстрее добрался до самого верха. Здесь, нащупав край стены, Федор подтянулся и перебросил свое изможденное тело в бойницу между двумя массивными зубцами. А когда он в изнеможении распрямился, прислонившись к стене спиной, и ощутил под собой столь желанную горизонтальную твердь, то испытал настоящее блаженство. Рядом с ним, слившись со стеной насколько это было возможно, сопел Летис. А впереди, прямо под ними, раскинулась торговая гавань Карфагена, погруженная сейчас во мрак. Кое-где, в прочем, она была освещена тусклыми факелами и жаровнями, свет от которых выхватывал из темноты то часть стены, то нескольких стражников, то корпус «круглого» торгового корабля.

Когда то, много лет назад, в трюме именно такого «зерновоза» приплыл сюда беглый римский опцион Федор Тертуллий Чайка в поисках спасения и поддержки. И получил все это из рук сенатора Магона, того самого, убить которого сейчас желал ничуть не меньше чем своего «родственника» Марцелла.

«Как порой в жизни все быстро меняется, — подумал Федор, на мгновение предавшийся воспоминаниям и тут же

отогнавший их, — много воды утекло. Но, философией займемся позже. Сначала война».

Отдышавшись, он бросил беглый взгляд по сторонам, отметив, что ближайшая жаровня находилась почти в сотне метров справа. Там грели руки четверо бойцов сената с полным обмундировании, прислонив щиты и копья к стене. Вся остальная часть стены тонула в темноте. Возможно, там тоже кто-то был. Но костер мешал это увидеть, сгущая мрак вокруг себя. Слева на широкой стене, метрах в двадцати, возвышалась какая-то постройка, похожая на небольшой амбар. Ее силуэт был виден с отсветах другого костра, горевшего примерно там, где должны была выбраться наверх группа Урада. Амбар закрывал от света «точку перехода» группы самого Федора, но мог стать препятствием на пути другой группы.

«Не повезло ребятам, — покачал головой Федор, разглядывая, нет ли у непонятного строения людей, — пусть боги сделают их невидимками и ослепят стражников хоть ненадолго».

Приглядываясь к этому амбару, Федор заметил длинную балку, выходящую из него и нависавшую над мостовой, а также веревки, свисавшие вниз до самого пирса. Судя по всему, это был какой-то механизм, для поднятия тяжестей на стену, наподобие тех, что регулярно придумывал хитроумный Архимед в далеких Сиракузах. Сейчас у загадочного амбара никого было не видно, значит, он не представлял стра-

тегического значения. Впрочем, расслабляться было еще рано. Несмотря на всеобщее спокойствие и на давнее отсутствие штурмов, Федор был далек от мысли, что стражники здесь вообще не делают обходов. Рано или поздно, кто-то должен был проявиться.

В этот момент рядом с ним плюхнулось на камни разгоряченное тело третьего бойца, а вслед за ним и четвертого, втащившего за собой с глухим стуком веревочную лестницу, как приказал ему Федор перед началом «восхождения на вершину».

– Все? – уточнил Федор у замыкающего.

– Я шел последним, – сообщил тот, сбросив себе под ноги моток с лестницей. Он с радостью опустился на камни и, расслабляя уставшую спину, добавил, – остальные поднимаются левее.

– Отдышись немного, а потом за мной, – приказал уже отдохнувший Федор и, хлопнув Летиса по плечу, добавил, – а ты бери лестницу. Пойдем, перевесим ее, чтобы бойцы поднялись быстрее.

Летис немедленно выполнил приказ и, схватив в охапку клубок обмотанных веревкой ступенек, словно немой призыв, неслышно последовал вслед за Федором. Вообще, Чайка должен был признать, пока что здоровяк, от которого обычно было много шума, пока вел себя более чем незаметно.

Вскоре они были у амбара, почти перегородившего про-

ход по стене. Здесь людей не было, но выглянув из-за стены, Чайка заметил метрах в тридцати каменную лестницу, что вела со стены в низ. На ней была сделана смотровая площадка для наблюдения за внутренней бухтой. Там, в чашеобразной жаровне, горел костер, у которого собралось сразу человек десять. Все были тяжеловооруженными пехотинцами в полном облачении. Они ели мясо, пили вино и хохотали, рассказывая друг другу байки, но, по всему было видно, что трапеза походила к концу и вскоре они должны были разойтись по своим постам.

– Так вот почему тут так пустынно, – с удовольствием отметил Федор, и, обернувшись к застывшему за спиной Летису, приказал, – дальше нельзя, крепи лестницу здесь.

– Но, они поднимаются дальше, – уверенно заявил здоровяк, – я видел. Надо пройти вперед.

– Ничего не поделаешь, – успокоил его Федор, вновь скрываясь за амбаром, – им придется доползти сюда. Все легче будет. А впереди нас ждет слишком теплый прием, от которого я предпочитаю пока отказаться.

Впрочем, по наблюдениям Федора, были и хорошие новости. Этот костер горел ближе, чем ему показалось вначале, а значит дальше, где должен был подниматься Урад со своими людьми, опять тянулась полоса мрака. Они вполне могли проскочить.

Летис больше не спорил. Он вогнал пару кинжалов в стену, – крюки закончились, – и примотал к ним конец вере-

вочной лестницы, скинув ее во мрак. Ступеньки глухо стукнули несколько раз о камень, пока лестница перестал раскачиваться.

– Осторожнее, – сдавленным шепотом прохрипел Федор, – у нас тут под боком слишком много лишних ушей.

Он даже выглянул из-за угла, бросив быстрый взгляд в сторону балагуривших охранников, но те, к счастью, были слишком увлечены собственными разговорами и не обратили на шум никакого внимания. Федор успокоился и мысленно пожелал, чтобы вино у них не кончалось как можно дольше.

– Готово, – сообщил Летис.

– Прикрой меня здесь, – приказал Федор, перелезая через стену и исчезая во мраке раньше, чем Летис успел что-либо спросить, – если появятся стражники, дай знать.

Мешавший горшок он тоже на время поручил Летису.

Быстро перебирая руками и ногами, Чайка вскоре оказался на несколько метров ниже гребня стены. Здесь он позволил себе немного пошуметь, другого выхода не было: ни рации, ни сигнальных ракет он не имел.

– Эй, – крикнул Федор в темноту, – это я, Федор Чайка. Есть тут кто?

Неожиданно совсем рядом с ним, даже чуть выше раздался голос.

– Я тут. Это Харит.

– Понял, – подтвердил контакт командующий западного

фронта, – а где остальные?

– Тоже здесь, мы решили подниматься все вместе. Кроме Агуна... он сорвался.

– Ясно, – Федор даже не ожидал такой удачи, уже приготовившись собирать всех до самого рассвета, – перемещайтесь все сюда. Здесь веревочная лестница. По ней вы быстро подниметесь прямо на стену. Все остальные уже там.

Когда Харит оказался на лестнице, Чайка приказал ему подождать здесь остальных, а сам пополз обратно. Под весом двух человек лестница нещадно трещала и стонала, грозя оборваться. Оказавшись на верху, Чайка проверил крепление и понял, что кинжалы уже наполовину выскочили из своего углубления.

– Закрепи получше, а то сорвется, – приказал Федор.

Летис мощным ударом вновь вогнал кинжалы в щель, а затем еще привязал конец лестницы веревкой к массивному металлическому крюку, торчавшему из стены амбара. Тот был словно специально сделан для того, чтобы привязывать сюда веревки. А те, что свешивались с массивной балки вниз, пропущенные через блок, похоже, оканчивались то ли на краю пристани, то ли были прикреплены на корме стоявшего внизу корабля. Это еще больше утвердило Федора во мнении, что с их помощью сюда втаскивали тяжеленные мешки или ящики.

Пока Летис возился, Чайка вновь выглянул из-за стены строения, проверив, что делают охранники. Тех стало мень-

ше. Это насторожило Федора, который даже схватился за кинжал, ожидая внезапного появления гостей, провороненных Летисом, но вскоре успокоился. Пятна четырех факелов колыхались в темноте, уплывая вниз по лестнице. «Отлично, – отметил с удовлетворением Федор, – значит это стража с нижнего уровня».

В этот момент к амбару прокралось две тени, в которых Чайка опознал своих. Приказав обоим охранять подходы с двух сторон, сам он вернулся к стене, рядом с которой уже стоял Харит, тяжело дыша. Вскоре на ней показались еще двое «ремесленников». Выслушав рассказ о том, как сорвался Агун, Федор покачал головой и коротко сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.